

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

ГОРОД В КУЛАКЕ

Евгений Евгеньевич Сухов

Город в кулаке

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166062

Город в кулаке: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-27149-8

Аннотация

Если мы не объединимся, то менты пересажают всех поодиночке – так считает Леня Кулагин, лидер одной из криминальных группировок города. За эту идею он и воюет с бандой отмороженных беспредельщиков Нестора Шумского. Киллеры Кулагина работают «не покладая стволов», но конца этой войны не видно, и в конце концов Кулагину приходится бежать в Германию. И вот годы спустя Кулагин возвращается в родной город. Надо востребовать старые долги. Война-то ведь не окончена...

Содержание

1987 год. Центр Новоречинска	4
1987 год. Отдел в здании ОБП	13
1987 год. Комната свиданий в КПЗ	17
1987 год. Центр Новоречинска	21
1990 год. Уральская колония	25
1990 год. Коломенская	30
1992 год. Новоречинск	35
1992 год. «Богдашка»	44
1992 год. Андреевский проспект	50
1992 год. Ресторан «Колода»	55
1992 год. Окраина Новоречинска	64
1992 год. Ресторан «Седьмое чудо света»	72
1992 год. Ночной клуб «Золотой телец»	83
1993 год. Москва	92
1993 год. Ресторан «Седьмое чудо света»	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Евгений Сухов

Город в кулаке

1987 год. Центр Новоречинска

Разборки

– Что это за тарантайка, Нес? – Горшаков похлопал ладонью по дерматиновому сиденью и после этого полез в карман широких штанов за пачкой беломора. – Где ты вообще откопал такую колымагу?

Сидящий за рулем старенькой, обшарпанной «копейки», бог знает какого года выпуска, Нестор Шумский простуженно шмыгнул носом. Он старался ни на секунду не отрывать глаз от дороги, пристально наблюдая за действиями других водителей и обращая повышенное внимание на придорожные знаки. Ни Кулагин, ни Горшаков никогда прежде не видели на лице товарища столь сосредоточенного выражения.

– У отчима отжал, – не поворачивая головы, ответил Шумский. – Он, козел, набухался под завязку и рубанулся уже часов в шесть. Ну а я думаю, чего тачке бесхозной стоять? Для нашего мероприятия она подойдет как нельзя кстати. На машине-то солиднее получится. Подрулим, как деловые, и за жабры этих засранцев!..

– Херня! – Горшаков выудил из пачки папиросу, приоткрыл боковое окно и ссыпал из штакетины половину табака. Луна бликами отражалась на его большом носе. – Для солидности и тачка нужна солидная, Нес. А не лишь бы какое дерьмо. Никто на такую откровенную лажу не купится.

– Посмотрим, – буркнул себе под нос Шумский.

Расположившийся на переднем сиденье Кулагин участия в их словесной перепалке не принимал. Леонида сейчас волновало только то, чтобы Айран с друзьями оказались на месте и им не пришлось разыскивать недругов по всем значным точкам района. Как правило, Айран не изменял своим привычкам. Эти обдолбанные байкеры никогда не трогаются с места, пока не накачают себя до нужного предела. Время еще позволяло надеяться на то, чтобы застать их на Коломенской, в глухой подворотне. Лучшего места для спланированной Кулагиным акции и придумать было нельзя. Тихо, темно, безлюдно...

– А у тебя права-то есть, Шумахер? – не унимался Горшаков.

Артем неторопливо ссыпал оставшийся в папиросе табак в небольшой бумажный пакетик и двумя пальцами смешал его с анашой, стараясь не уронить ни на пол, ни на сиденье ни одной драгоценной крошки. Завершив все предварительные манипуляции, он стал набивать получившейся смесью косяк. Руки Горшакова работали ловко и сноровисто. Чувствовался немалый опыт в этом деле.

– Ты что, мент? – лениво отозвался Шумский. – На кой хрен тебе мои права?

– Я просто спросил.

Нестор промолчал. Заложив лихой поворот, он выехал на Коломенскую. До байкеровской точки оставалось не более трех кварталов. Кулагин напрягся. Сегодня нужно было закрыть вопрос с Айраном раз и навсегда. Чего бы это им ни стоило. Избитый вчера вечером Лебедев, встреченный «вокзальными» в момент романтического randevu с молодой дамой и в итоге оказавшийся на больничной койке, стал так называемой последней каплей, переполнившей чашу терпения. Айран с друзьями не пощадили даже девушку. А Лебедев даже толком не смог сказать Кулагину, сколько было этих ковбоев. Пять? Шесть? Что он один мог сделать против такой мощной коды? У Ромы даже кнопаря с собой не оказалось. Планы на вечер у него были куда более прозаические... Кулагин сжал кулаки. Невольно в памяти всплыла трагедия, которую и сам Леонид помнил лишь по рассказам очевидцев. Его родители стали жертвой вот такого же, как и произошедшее с Лебедевым, уличного нападения со стороны какой-то пьяной, разнузданной компании. Только закончилось то нападение не так тривиально. Отец Кулагина, пытавшийся противостоять уличной банде, погиб сразу от ножевого ранения в грудь, а мать скончалась позже, в больнице. Причиной ее смерти стали множественные разрывы внутренних органов. Бабушка, на руках которой тогда и остал-

ся трехгодовалый Леня Кулагин и которая воспитывала его в дальнейшем на протяжении семнадцати лет, пока ее саму не свел в могилу рак легких, наверняка умолчала о многих неприятных подробностях. Впрочем, Кулагин и не выспрашивал. Для него и так все было предельно ясно. И в первую очередь тот факт, что ужасный инцидент с его родителями незримо предопределил дальнейшую судьбу самого Леонида...

– Если они будут на месте, – негромко произнес он, – говорить буду я. Может, удастся разрешить дело по-мирному...

– Сомневаюсь, – ухмыльнулся Горшаков. – Но тебе идет быть идеалистом.

По салону быстро распространился запах анаши от раскуренной им сигареты. Кулагин разогнал рукой густой сизый смог.

– В любом случае без моей команды ничего не предпринимать, – жестко отчеканил он и, слегка повернув голову влево, уточнил: – Ты меня понял, Нес?

– Базара нет.

– В прошлый раз ты говорил то же самое, – напомнил Кулагин.

– Меня спровоцировали. Ты же знаешь...

– Да, знаю. Поэтому и предупреждаю. На провокации не поддаваться, вести себя спокойно и ждать сигнала.

– Да я понял, понял, Леня. Не заводись.

– Артем? – Кулагин повернулся назад.

– Заметано, – Горшаков расплылся в самодовольной улыбке.

«Копейка» свернула во двор, и конусообразный свет галогеновых фар тут же выхватил из темноты четверых стоящих друг рядом с другом байков. Чуть поодаль, у скамейки, топталось четверо парней в черных кожаных куртках с отороченными мехом воротниками. Шумский остановил машину. Кулагин первым покинул салон. За ним последовал Горшаков.

– Смотрите, кто к нам пожаловал, братва! – От компании байкеров отделился низкорослый коренастый парнишка с большими, навывкате, как у рыбы, глазами. – Кулагин? Как же так? Неужели мамочка отпускает тебя гулять так поздно? Да еще в такой плохой компании? Салют, Горшок! Тебя уже выпустили из наркологического центра?

Шутки предводителя вызвали дружный смех в стане его приспешников. Трое друзей Айрана тоже двинулись вперед.

– Выпустили, – взгляд Горшакова застекленел. – Просили освободить местечко для тебя, Айран.

– Хорошая попытка пошутить, Горшок. Жаль, что с юмором у тебя совсем туго.

– Привет, Айран, – Кулагин вплотную приблизился к лидеру вокзальной группировки. – Надо потолковать. Надеюсь, ты догадываешься, о чем.

– О вашей девочке, которой мы вчера пощупали почки?

– Не только о ней. Но и о Роме.

– Я о нем и говорил!

Дружки Айрана вновь засмеялись. Кулагин усилием воли заставил себя остаться спокойным и невозмутимым. Позади него хлопнула дверца автомобиля, и в свет фар шагнул Шумский. Обе его руки были засунуты в карманы, и это обстоятельство невольно заставило Леонида нахмуриться.

– Нестор! И ты здесь! – пьяно воскликнул один из соратников Айрана, высокий и худой, как жердь, молодой человек, отмеченный небольшим шрамом на правой щеке. – Все еще подсасываешь Кулагину, петушила?

– Че ты сказал? – Шумский быстро прошел вперед.

Леонид вскинул правую руку вверх:

– Постой, Нес!

– Вот-вот, – все с той же интонацией подхватил худошавый. – Постой, Нес, и послушай, как разговаривают пацаны. Тебе, петуху, скажут, когда можно будет поработать ртом.

Только потом Кулагин понял, что, будь он порасторопнее и не так глубоко сосредоточен на собственных размышлениях, трагедии, может, и удалось бы избежать. Но кульминационный момент он проморгал. Безбожно проморгал.

Шумский буквально вынырнул у него из-за спины с необычной для него реакцией и вплотную сошелся с худошавым байкером. Их тела соприкоснулись, а уже через секунду, когда Нестор так же резко отскочил назад, Леонид заметил у него в правой руке тонкий, остро заточенный стилет. С обнаженного лезвия сорвалось две-три капли алой крови и упали

на свежевыпавший час назад снег. Худощавый, схватившись двумя руками за живот, стал медленно оседать на землю.

— Бля... — Горшаков быстрым движением отшвырнул в сторону недобитый косяк.

Реакция байкеров тоже не заставила себя ждать. Кулагин нырнул вниз, уходя от просвистевшего у него прямо над головой мощного кулака Айрана. Тут же нанес ответный удар тычком в солнечное сплетение. Айран вынужденно отступил, но слева на Леонида кинулся еще один парень. В лунном свете блеснул клинок. Кулагин ловко уклонился, перехватил руку противника за запястье и взял ее на излом. Нож выскользнул из пальцев, но сам байкер, изловчившись, ударил Кулагина ногой под колено. Леонид выпустил его из захвата. Айран прыгнул вперед, как пантера, и сбил Кулагина с ног. Они оба покатались по снегу.

— Ну все, суки! Приплыли!

Горшаков угрожающе двинулся на последнего из четверки байкеров, попутно насаживая на пальцы правой руки мощный ребристый кастет. Парень в кожанке мгновенно принял боевую стойку. Расстегнув куртку, он выудил из-под нее средней длины велосипедную цепь. Взмахнул ею над головой, со свистом рассекая морозный воздух.

Парень, ударивший Кулагина в колено, склонился за оброненным ножом, но Шумский, казалось, только и ждал этого подходящего момента. Он кинулся ему на спину, и окровавленный стилет вошел байкеру между лопаток так же лег-

ко, как столовый нож входит в сливочное масло. Парень рухнул лицом вниз. Шумский не удержал равновесие и повалился на него сверху...

Кулагин тем временем пытался высвободиться из-под придавившего его к земле Айрана. Главарь вокзальной группировки, держа одной рукой Леонида за горло, дважды ударил своего противника кулаком по лицу. Кулагин почувствовал на зубах металлический привкус крови. Разведя руки в стороны, он резко сомкнул их и что было сил нанес Айрану двойной удар по ребрам. Воздух со свистом вылетел изо рта неприятеля. Хватка на горле ослабла. Кулагин толкнул его от себя, подцепил коленом в пах и тут же врезался лбом в переносицу Айрана. Байкер с глухим стоном свалился с него. Кулагин откатился в сторону и проворно поднялся на ноги. Осмотрелся.

Шумский, тяжело дыша, слезал с поверженного им противника всего в двух шагах от Леонида. Горшаков наступал на своего визави, ловко уворачиваясь от взмахов велосипедной цепи. Никто из них пока не нанес другому ни единого удара. Айран стал подниматься на ноги...

– Какого хрена, Нес?! – Кулагин был в бешенстве. – Ты в своем уме? Я ведь сказал тебе!..

Окончания фразы так и не последовало. Свет фар ослепил Леонида, и он инстинктивно вскинул вверх руку, прикрывая лицо. Однако машинально успел отметить при этом, что вслед за первой машиной во дворик въехала еще одна.

Захлопали дверцы.

– Менты! – донесся до Кулагина выкрик Горшакова. – Валим, пацаны!

– Стоять! Всем лечь на снег!

Леонид опустил руку. Прямо на него смотрело дуло автомата. Предпринимать какие-либо попытки к сопротивлению было бесполезно. Кулагин покорно опустился на землю и сложил ладони на затылке. Вот влипли! И что же теперь?

Короткая автоматная очередь заставила Кулагина слегка повернуть голову. Горшаков пытался бежать. Куда угодили выпущенные кем-то из ментов пули, Кулагин видеть не мог, зато отлично видел, как Артем, словно споткнувшись, упал лицом вниз. Леонид скрипнул зубами.

– Я сказал, стоять! – повторился грозный окрик.

Еще одна очередь скосила недавнего противника Горшакова. Звякнула оброненная велосипедная цепь. Кулагин повернул голову в другую сторону. Айран так же, как и он сам, покорно лежал на снегу. Рядом с ним мужчина в форме закручивал за спину руки Шумскому. Лицо Нестора было в крови, но даже при свете луны Кулагин мог заметить злорадный торжествующий блеск в глазах соратника.

Леонид тяжело вздохнул.

1987 год. Отдел в здании ОБП

Предупреждение

– Сергей Петрович, разрешите, я с ним сам поговорю... один на один. Можно? – Молодой человек привычным жестом поправил узелок галстука, который и без того туго стягивал воротничок белоснежной рубашки. – Думаю, мы найдем общий язык. Да, Кулагин?

Леонид оставил реплику Началова без внимания. Он тяжело дышал. Тупая боль, обручем стянувшая грудную клетку, не давала вздохнуть в полную силу. Кровь из рассеченной брови над правым глазом запеклась на лице. Под глазом обозначился огромный синяк. Припухлость под веком становилась все больше, и теперь глаз едва открывался.

Капитан Шамраев оценивающе посмотрел на сцепленные наручниками за спиной руки Кулагина, скользнул взглядом по окровавленному лицу и кивнул:

– Хорошо. Только будь внимателен. Эти отморозки могут все что угодно выкинуть.

Началов снисходительно выслушал наставления капитана и согласно кивнул:

– От меня не уйдет, Серей Петрович. Не переживайте.

Шамраев прошел через всю комнату и, взяв со стола пачку сигарет, вышел в коридор.

Как только капитан скрылся за дверью, Началов подошел к задержанному и остановился в полуметре от его стула. Он потянулся рукой к подбородку Кулагина, но остановил свое движение, не завершив его. Брезгливо отряхнул руку от воображаемой грязи.

– Ну что, отморозок? Наконец-то ты отправишься в то место, где ты и должен находиться. Я всегда знал, что ты этим закончишь. И я не ошибся. Удивляюсь, как ты столько проторчал на свободе.

Кулагин не изменил ни позы, ни направления взгляда. Голова его была слегка наклонена набок, а подбородок гордо вздернут вверх.

– Жаль, что Лиза тебя не видит сейчас с расписанной рожей. Но ничего. Твой срок ее наверняка убедит.

Леонид дернулся. Началов не мог не заметить этого.

– Семь лет, Кулагин. Я постараюсь, чтобы тебе дали все как положено. Я еще, конечно, стажер, но здесь на хорошем счету. Ко мне прислушиваются. И я кое-что значу в этой жизни. – Началов подтянул узелок галстука и повернулся к Кулагину спиной. Идеально отутюженная рубашка пропиталась потом и прилипла к лопаткам. – В отличие от тебя. Вместо того чтобы быть человеком, ты пошел неверной дорогой. Еще в школе ты вызывал у меня отвращение. Ты мог бы жить правильно, пойти на завод, например, или что-нибудь в этом роде. Но ты не стал даже пытаться. У меня всегда было предчувствие, что ты – отброс общества. И останешься на всю

жизнь отбросом.

Кулагин молча поменял позу и привалился на другой бок. Его лицо исказила гримаса боли. Сломанное ребро давало о себе знать. Дышать становилось все труднее с каждой минутой. Но Кулагин старался не подавать виду.

– Что тебе надо? – процедил он сквозь зубы.

– Мне? Мне ничего не надо. Я достиг, чего хотел. Я всегда хотел попасть в органы, чтобы сажать таких отморожков, как ты. У меня все есть. – Началов сел на рабочее место капитана и положил сцепленные в замок руки на стол. – Ну что? Ты меня понял?

– Да делай ты, что хочешь, – безразлично отозвался Леонид.

– А ты мне не приказывай. Ты мне не советчик. Ты без пяти минут уголовник, Кулагин. И передачек тебе носить никто не будет. Уж я об этом позабочусь. Понял?

Началов поднялся со стула и вновь подошел к задержанному:

– Отстань от Лизы, козел! Я тебе говорю! Навсегда! Никогда больше к ней не приходи. Забудь о ней. Усек?

Кулагин поднял голову и уставился на собеседника.

– Что ты молчишь? Ты понял?

– Я не обязан тебе отвечать, – Кулагин не сводил с Началова взгляда.

– Ты ошибаешься, Кулагин. Здесь ты – преступник. А я – представитель органов правопорядка. От меня сейчас зави-

сит, сколько тебе сидеть. Это в школе ты мог спросить меня, кто главный. Но эти времена давно прошли. И ты оказался в самом низу общества. А я выбрался. Потому что я выбрал правильную дорогу...

– Мне плевать на тебя. Ясно? – бросил сквозь зубы Леонид. – У тебя не спросил, как жить. Сам разберусь.

– Вот как! Тебе сейчас не мешало бы позаботиться о себе. Тебе грозит семь лет заключения. Я просто предупредил.

Началов вновь вернулся за стол капитана.

– Помни только одно, Кулагин: Лиза – она не для тебя, козел.

1987 год. Комната свиданий в КПЗ

Разрыв

Лиза ждала Кулагина не больше двух минут, но они показались ей вечностью. Длинная и узкая комната для свиданий без окон напоминала вагон. Тусклая лампочка висела над привинченным к полу столом и освещала только его поверхность, оставляя углы комнаты в неприятном полумраке. Отсутствие окон, плохое освещение и запах сырости создавали впечатление, что воздух в комнате был густым и тягучим. Лиза почувствовала приступ дурноты. Она присела на стул, стоящий у стола. Точно такой же стул стоял напротив. Подумав, что скоро на нем будет сидеть Леонид, Лиза улыбнулась и, инстинктивно желая пододвинуться ближе, сделала движение вперед. Движение вышло неловким. Стул, на котором она сидела, был намертво привинчен к полу. Лиза готова была расплакаться.

Скрип тяжелой двери, обитой железом, заставил ее вскочить с места. Звук, который раньше вызывал у нее дикое раздражение и ощущение, словно с тебя медленно снимают кожу, теперь казался ей самой приятной мелодией на свете.

В комнату вошел Кулагин. За ним следом вошел молодой полноватый сержант, лицо которого одновременно выражало недовольство, усталость и презрение. Он оценивающе по-

смотрел на Лизу и вяло произнес, обращаясь к Леониду:
– Проходим.

Кулагин медленно подошел к стулу и, ни разу не посмотрев на Лизу, сел, опустив голову. Сержант, напротив, не сводил с Лизы глаз. Он закрыл дверь и, улыбаясь, прислонился к стене.

Лиза чувствовала себя крайне неловко. Она иначе представляла себе встречу с Леонидом. Ей безумно хотелось обнять его, расцеловать, посмотреть ему в глаза, но то ли из-за присутствия сержанта, то ли из-за того, что Кулагин был похудевшим, небритым и уставшим, он показался Лизе каким-то чужим.

– Здравствуй, – едва слышно прошептала Лиза.

Звук собственного голоса показался ей странным и глупым. Она почувствовала слабость в ногах и, держась рукой за край стола, медленно опустилась на стул.

– Здравствуй, – не поднимая глаз, хрипло произнес Кулагин.

– Я не знала, что тебе сюда можно приносить... Леня, ты скажи, что тебе нужно... Я в следующий раз обязательно... – сбиваясь, дрожащим голосом начала Лиза. Она, не отрываясь, смотрела на Кулагина, который продолжал сидеть, опустив голову. Чтобы не расплакаться, Лиза с силой сжала маленький перстенок на среднем пальце левой руки, который ей на шестнадцатилетие подарил брат. – Все, что нужно...

– Мне ничего не надо, – прервал ее Кулагин.

Он поднял голову и пристально посмотрел в глаза Лизе.

– Как? – только и смогла растерянно произнести девушка.

Взгляд Леонида ей показался холодным и колючим. Она невольно подернула плечами и еще сильнее сжала перстень.

– И вообще... Тебе не надо сюда ходить, – монотонно продолжил Кулагин.

– Не надо? Ну что ты, Леня? Ты не думай... Я, сколько надо, буду ждать. Я, если надо, за тобой...

– Не надо! – жестко проговорил Кулагин.

В эту секунду он понял, что еще немного, и Лиза расплачется. Леониду было очень тяжело, но он уже решил, что должен сказать девушке. И как бы ни развивались события дальше, на его решение это уже не повлияло бы.

– Мне ничего не нужно. И ты мне не нужна!

– Нет, Леня! Я нужна! Я люблю тебя... И ты... Ты говорил...

– Чего мужик не скажет, когда трахнуть хочет, – спокойно произнес Кулагин заученную фразу. После этого он отвел глаза в сторону и, четко выговаривая слова, словно давая указания, поучающим тоном продолжил: – Вот что, детка, иди отсюда и не возвращайся. Сможешь – прости. А лучше забудь. Лично я таких, как ты, не запоминаю. Да и помнить нечего. Ну, перепихнулись пару раз. Так ведь ты вроде и не против была. Так что не надо здесь трагедию разыгрывать.

– Разыгрывать? – повторила Лиза.

Она не могла поверить в то, что происходит. Каждую фра-

зу Леонида она ощущала физически, как будто он избивал ее словами.

– Свидание окончено, – лениво бросил сержант.

Ему явно нравилось, как ведет себя Кулагин. Он принадлежал к той породе мужчин, которые унижение женщины считают не просто правильным, но и обязательным.

– Я же люблю тебя! – в отчаянии, понимая, что Кулагина сейчас уведут, прокричала Лиза, и слезы хлынули-таки у нее из глаз.

– «Люблю», – Кулагин усмехнулся.

Первый раз в жизни он был сам себе противен, но он должен был довести этот разговор до конца. Леонид медленно поднялся со стула и с равнодушным видом произнес:

– Это не любовь. Не дала бы мне, дала бы другому.

1987 год. Центр Новоречинска

Ментовское рандеву

– Людочка, деточка, иди сюда, – Началов обхватил девушку за талию и привлек ее к себе.

На улице было уже темно.

– Да подожди ты! Что ты, как школьник, хватаешься за меня? Пригласил бы, что ли, куда. Посидели бы... А то что? Ты думаешь, форму нацепил, и все можно, что ли?

– А что, по-твоему, я не могу девушку обнять? Я тут не намерен с тобой цацкаться. Я вон вчера троих убийц посадил.

Началов со своей спутницей прошли мимо троллейбусной остановки. Под козырьком стояли двое. Парень беззастенчиво лапал девушку, а та не только не сопротивлялась, но, напротив, поощряла своего кавалера довольными стонами. Люда бросила на парочку мимолетный взгляд и безразлично отвернулась. Выражение ее лица при этом несколько не изменилось.

– Задолбал ты уже своими уголовниками. Угостил бы шампанским там...

Она приостановилась, наклонилась вниз и расправила сборившие на коленках ярко-бирюзовые лосины. Футболка, подхваченная на талии тоненьким пояском, приподнялась,

обнажая стройные бедра. Началов похотливо следил за ее движениями.

– Ладно, пошли, – согласился он.

Молодые люди повернули за угол и спустились по узкой улочке вниз к скверу.

– Здесь есть кафе.

Началов вновь положил руку на талию Людмилы, но уже более настойчиво.

– Это что, та рюмочная за углом и есть твое кафе? «По-шош», что ли? – девушка презрительно скривилась.

– Ну, не хочешь, как хочешь. А я тебя хотел вином угостить. – Андрей немного отстранился, но руку с талии не убрал. – Ты знаешь что, Люда! Я ведь честным трудом зарабатываю. Где я тебя по ресторанам водить буду?

– Хорошо, хорошо. Что ты завелся-то? Я же не говорю, чтобы ты меня «Советским» шампанским угощал.

Они приблизились к рюмочной. Началов пихнул дверь. Стальная пружина, удерживающая дверь в закрытом состоянии, была довольно тугая, и створка едва не ударила его по лбу. Андрей ловко увернулся.

– Вот черт! – выругался он и вошел в помещение.

Девушка последовала за ним. В кафетерии вовсю работали вентиляторы, гоняя из угла в угол прокуренный и пропитанный алкогольными испарениями воздух.

– Занимай любой столик.

Люда прошла к одной из круглых стоек на высокой но-

ге в центре помещения. В зале, помимо нее и Началова, было пять-шесть посетителей. Преимущественно завсегдатаи закусочной. Мужики откровенно косились в ее сторону, но Люда не обращала на них никакого внимания. Через две минуты к ней вернулся Началов с двумя бокалами вина и блюдцем с дольками мелко нарезанного яблока.

– Это что, «Анапа»? – спросила девушка.

– Вино это. Хорошее. Пей, не рассуждай.

– А у тебя денег вообще, что ли, нет?

Началов раздраженно стукнул по столу кулаком:

– Знаешь что?! Ты... Тебе известно, что проституция у нас запрещена законом?

– Ты что, Андрей, ты за кого меня принимаешь?

– За кого, за кого! Как ведешь себя, за ту и принимаю. Ты пить будешь?

– Ну, ладно, – Люда взяла бокал.

Началов поманил ее жестом:

– Встань ближе.

Она подчинилась.

– Только пей все сразу, – произнес он и тут же предложил тост: – За удачное задержание шайки!

– Дурачок, – парировала Людмила.

Андрей дождался, когда она выпьет вино, и осушил до дна свой бокал.

– Людочка, поехали ко мне?

– А деньги у тебя есть?

Началов замахнулся и с оттяжкой ударил девушку по лицу раскрытой ладонью. Она вскрикнула.

– Еще раз про деньги спросишь... Дешевка!

1990 год. Уральская колония УДО

– И это женский день! Нет, нормально, а? У меня уже яйца пухнут без бабы. Слышь, Ленья?

Кулагин даже не повернул головы в сторону Шумского. Лениво потягивая замусоленный окурок беломора, он не отрывал взгляда от сторожевой вышки. В том, как вертухай монотонно расхаживал из одной стороны в другую, Леонид находил что-то завораживающее. И наконец, определил для себя, что именно. Прозрение пришло неожиданно, но определение, сформулированное самим Кулагиным, было абсолютно точным. Порядок! Организованность! Вот что было главным. Вертухай двигался взад-вперед не хаотично, как ему вздумается, а четко соблюдая полученные инструкции. Даже в такой, казалось бы, мелочи. Жизнь по заведенному уставу. Вот чего не хватало там, на воле... Вот чего в свое время не хватило для того, чтобы убийцы его родителей предстали перед лицом закона... Кулагин встряхнул головой и уже не в первый раз за свою жизнь попытался воссоздать в памяти образ отца и матери. Но из этого ничего не вышло.

– Ты оглох, что ли? – Шумский дернул приятеля за рукав.

– Что? – Кулагин обернулся.

– Я говорю, тоска совсем без баб.

– И какие у тебя предложения, Нес?

Они провели в Уральской колонии уже три года. Леонид и сам уже замечал, какой существенный отпечаток наложила на него эта «трешка». Черты лица Кулагина заметно заострились, подбородок стал массивнее, в глазах появился не присущий ему ранее холодный блеск. И душа... Кулагин знал, что с каждым проведенным здесь лишним днем и даже часом его душа неумолимо ожесточается. С ней происходила вполне присущая нынешнему образу жизни метаморфоза. То же самое Леонид отмечал и за Артемом. Но не за Нестором. Странно, но Шумский вроде бы, несмотря ни на что, оставался прежним. Как ему это удавалось и хорошо это или плохо, Кулагин понять не мог.

Он бросил окурок себе под ноги и раздавил его носком ботинка.

– Ну, не знаю, – Шумский поморщился. – Давай замастырим че-нибудь по этому вопросу. У тебя же котелок ништяк варит, братан. Типа, свяжемся с волей, попросим подгон нам сделать... Или еще что... Восьмое марта все-таки. Это ж раз в год бывает, Леня. Перетри с Камсой.

– Хорошо. Перетру.

– Когда? – не унимался Шумский. – Надо сегодня, Леня. Восьмое марта-то сегодня. Говорю тебе, у меня яйца...

– Я уже слышал про яйца, – оборвал приятеля Кулагин. – Угомонись. Сказал – перетру, значит, перетру. Сегодня и перетру. Годится?

Из-за барака бесшумно вынырнул Горшаков и, по выработавшейся у него за последние три года привычке мягко переступать с ноги на ногу, приблизился к товарищам. Кулагин невольно отметил, что Артем уже под кайфом. То ли начефирился с кем-то, то ли успел передернуть косячок, упав на «хвост» к пацанам из седьмого барака. В последнее время такое с Горшаковым случалось все чаще.

– Ну? – с нотками нетерпения в голосе поинтересовался Кулагин, когда Артем подошел вплотную. – Как успехи? Пробил? Или ты занимался только тем, как бы тебе кайфануть на халяву?

– Кончай, Леня, – Горшаков скривился так, словно он только что проглотил без сахара целый лимон. – Твои дешевые нападки уже притомили, честно говоря. Хотя, должен сказать, у Валета сегодня отменный кумар. Ему грев прислали вчера вечером. Забойная штучка. Натурально. Хотите попробовать? Я договарюсь...

– Можно. Шумский согласно покачал головой, но Кулагин метнул в его сторону настолько уничижительный взгляд, что желание кайфануть у Нестора как-то само собой улетучилось. Его все еще грела мысль, что Леонид сумеет договориться с Камсой о переправке баб в зону из соседней деревеньки.

– Давай по делу, Темыч, – обратился Кулагин к Горшакову.

– По делу так по делу. – Артем покосился по сторонам,

как заправский шпион. – Короче, Линч говорит, что добиться УДО не так уж и сложно. Ему самому-то, как он сказал, до фонаря. В зоне, говорит, вольготнее. А вот несколько его реальных корешей такую тему уже пробивали. И успешно. Надо только качественно подмазать Иштанского... Для начала...

– Зама по воспитательной? – недоверчиво переспросил Кулагин.

– Так говорит Линч. Я-то, сам понимаешь, за его слова не ответчик. Ты просил узнать, я узнал. У Иштанского вроде как связи, – Горшаков поднял вверх указательный палец. – Если с ним добазариться, он цинканет, че и как дальше делать. Только я одного не пойму, Леня. Откуда у нас лавэ на такое дело? Надо ведь немало, и потом...

– Это моя головная боль, – взмахом руки Кулагин остановил словесный поток товарища. – Я уже наладил хороший канал связи слевой и с Ромкой. Они добудут деньги. Столько, сколько нужно. Но... – он многозначительно помолчал.

– Что «но»? – вклинился Шумский.

– Капусту придется отработать. Со временем.

– У Левинсона, что ли?

– Не у Левинсона, – Кулагин вновь бросил пристальный взгляд в сторону сторожевой вышки. – Откуда у самого Левинсона бабки? Они с Ромой возьмут у людей под процент. А мы потом вернем.

– Как?

– Кверху каком. Крутиться придется, Темыч.

– Надеюсь, не жопой?

– Да кому твоя жопа нужна, – Кулагин заметно отмяк и беззлобно рассмеялся. Шумский охотно поддержал его. – Тоже нашел национальную ценность. В нынешние времена головой работают, Артем. Головой! Понимаешь? И скажу тебе откровенно, у меня уже наметились кое-какие соображения на этот счет.

Горшаков и Шумский переглянулись. Последний недоуменно пожал плечами. Дескать, я не в курсе, о чем речь. Видя, что Кулагин не собирается продолжать наметившийся было разговор, Артем осторожно откашлялся.

– А с нами не поделишься, Леня? – спросил он. – Не намекнешь, что это за соображения? Мы же вроде как кореша... Или нет?

Кулагин нахмурился и машинально потянулся в карман рубы за папиросами.

– Нам нужна коалиция, – изрек он.

– Чего нам нужно? – Шумский недоуменно заморгал.

Леонид пристально посмотрел на него, затем перевел взгляд на Горшакова, пару минут молча мусолил неприкуренную папиросу, а затем решительно произнес:

– Ладно, пошли в барак. Я вам обоим подробно изложу свою мысль.

1990 год. Коломенская

Брат и сестра

– Чего ты молчишь, Лиза? – Началов уже полчаса говорил с сестрой, и ее равнодушный отсутствующий вид не только раздражал его, но и буквально приводил в бешенство. Он поднялся со стула и, налив в чайник воды, поставил его на огонь. – Не понимаю! Молодая, красивая, здоровая девка... И одна! Чего ты ждешь? Чего хочешь? Хочешь до седых волос одна просидеть? Чего молчишь, Лиза?

– А что я должна сказать? – спокойно проговорила девушка и, усмехнувшись, добавила: – И вообще, разве я что-нибудь кому-нибудь должна?

– Должна, твою мать! Детей рожать должна! – закричал Началов, но, встретившись со спокойным и очень жестким взглядом сестры, тут же осекся.

Присев на корточки рядом с табуретом, на котором сидела Лиза, он, глядя ей в глаза и собрав всю нежность, на какую только был способен, сказал:

– Пойми, Лизонька, я же о тебе беспокоюсь. Ведь все твои подруги уже замуж повыходили. Тебе уже девятнадцать. Ну, чего ты ждешь? Ты посмотри вокруг! Пока рядом с тобой люди нормальные, надежные... А ведь годик, другой, и все! Ты что думаешь? Нормальные мужики холостыми долго не

ходят...

– А ты?

– Дура! – Началов заскрипел зубами.

Сдерживая желание ударить Лизу, он поднялся, подошел к окну, открыл форточку и какое-то время молча стоял, жадно вдыхая воздух. Услышав, что Лиза поднялась с табурета, Началов, не поворачиваясь, крикнул:

– Сидеть! – Затем, повернувшись и убедившись, что Лиза исполнила его приказание, он спокойно продолжил: – Я еще не закончил. Слишком много ты себе позволять стала, сестренка.

– Чайник кипит, я хотела газ отключить, – произнесла Лиза, спокойно глядя брату в глаза.

Началов подошел к плите и отключил газ. Затем он взял табурет, который стоял в углу кухни, и, поставив его в дверном проеме, сел, закинув ногу на ногу. Молча улыбаясь, он наблюдал за Лизой, которая начала чувствовать себя неудобно.

До этого момента она была гостьей в доме брата, который пригласил ее для серьезного разговора. Лиза могла прекратить беседу, когда ей вздумается, и уйти. Но теперь, когда Андрей преградил ей дорогу, она оказалась в глупом положении заложницы.

– Мне надо идти... – неуверенно проговорила девушка.

– Никуда ты не пойдешь. Я все дела отложил, чтобы наконец-то решить твою проблему. Поэтому, что бы ни случи-

лось, я ее решу.

– Да нет никакой проблемы, Андрей! О чем ты говоришь? – От былой Лизиной уверенности не осталось и следа. Она чувствовала себя маленьким ребенком, которого поставили в угол и забыли объяснить причину наказания. – Мне правда нужно идти. Давай потом...

– Нет, сейчас! Проблемы не будет, когда ты замуж выйдешь и...

– Тоже мне проблема! Да выйду, выйду я замуж, – прервала Лиза брата.

Ее раздражала эта глупая беседа. Она готова была сказать все, что угодно, лишь бы побыстрее все это прекратить и уйти.

– За кого я скажу, – подытожил Началов.

– Что? – Лиза расхохоталась и, поднявшись с табурета, раздраженно продолжила: – Ну все, хватит! Это уже дикость какая-то!

– Нет, Лизонька, это не дикость. – Началов тоже поднялся. Положив руки на плечи Лизы, он усадил ее на табурет и, нависнув над ней, зло зашептал: – Дикость, Лизонька, это когда такая девочка, как ты, сраному зэку три года верность хранит!.. Ты что, думаешь, я ничего не понимаю? Думаешь, не знаю ничего? – Увидев, что глаза сестры наполнились слезами, он, не меняя позы, равнодушно продолжил: – Я много чего знаю. Например, что Кулагин еще очень долго из тюрьмы не выйдет!

– Не надо, – прошептала Лиза, и слезы хлынули у нее из глаз.

Довольный достигнутым результатом, Началов провел ладонью по волосам Лизы и, отойдя от нее, стал медленно расхаживать по кухне с видом человека, которому весь этот разговор крайне неприятен.

– Не хотел я тебе всего этого говорить, Лиза, но ты меня вынуждаешь. Срок у него очень большой, а в этом случае из наших тюрем лучше уж вообще не выходить...

– Умоляю, перестань!

– Прости меня, но при таких сроках близкие заключенным скорой смерти желают, – словно и не услышав просьбы сестры, со вздохом продолжил Началов. – Ну, то, что он, если, конечно, доживет, выйдет дряхлым, больным, – это и младенцу понятно. Туберкулез, язва желудка, больные почки, печень воспринимаются в тюрьме как легкая простуда. Все это, Лизонька, еще полбеды... Ты уже взрослая девочка и должна понимать, что в тюрьме женщин нет. Законы там жестоки, и роль женщин там приходится исполнять молодым ребятам, таким, как Кулагин...

– Прекрати! Не надо! Замолчи!

У Лизы началась истерика. Она в голос рыдала, закрывая ладонями уши, чтобы не слышать гадости, которые говорил брат.

– Я должен был это тебе сказать. Я знаю, что тебе сейчас ужасно плохо. Но, я думаю, ты должна знать правду о по-

ложении вещей. Я желаю тебе только добра, Лиза! Я очень люблю тебя, сестренка.

Началов подошел к девушке и, присев рядом на корточки, крепко обнял ее. Из всего сказанного им правдивыми были лишь две последние фразы.

1992 год. Новоречинск

Воздух свободы

– Ну, за вас, пацаны! – Вершинский отсалютовал граненым стаканом. – С возвращеньцем!

Вопросы типа «как там было?» и «туговато ли?» не поднимались. Все было открытым текстом написано на лицах Кулагина, Горшакова и Шумского. Друзья откровенно наслаждались воздухом свободы, которого они были лишены целых пять лет.

На вокзале их встретил Левинсон и на новенькой «пятерке», купленной всего неделю назад, доставил в ресторан «Колода», где уже организацией предстоящего банкета на шестерых занимались Вершинский и Лебедев. На протяжении всего времени, пока длился срок заключения, друзья с воли поддерживали с сидельцами тесные отношения. Каждый из них троих как минимум два-три раза в год навещался в колонию. Иногда вместе, иногда поодиночке...

– Черт! Поверить не могу, что я снова в родном Новоречинске! – восторженно восклицал Шумский. Хмель уже заметно ударил Нестору в голову. – Я думал, этот день никогда не наступит. Даже несмотря на условно-досрочное...

– Да, кстати, – Кулагин склонился к Ливенсону. – Много мы должны?

– Давай не сегодня, Леня, – отмахнулся тот. – Вот ты, в натуре, начинаешь загоняться. Такой день! Пей, гуляй, расслабляйся!..

– Ну а все-таки? – гнул свою линию Кулагин. – Намекни хотя бы.

Левинсон знал, что просто так от приятеля не отвяжешься. Если он не ответит, праздник будет безнадежно испорчен. Кулагин станет сидеть с постным выражением лица и теряться в догадках, чем обосновано молчание Левинсона.

– Расклад козырный, Леня. Нам скинули денег за под хилые проценты. Мы, даже не напрягаясь, сумеем обернуть все через год. А если тему замутим, то и подавно...

– Тема у меня уже есть, – серьезно произнес Кулагин.

– О, нет-нет! – Левинсон шутливо закрылся двумя руками, словно собеседник собирался его ударить. – Уволь меня! Я не хочу говорить сегодня о делах. Ты спросил, я ответил, и на этом все. Если тебе так не терпится, можешь пойти вон Толян по ушам проехаться. У него, насколько я слышал, тоже какие-то идеи зреют. Но я вам пока не соратник. Завтра – пожалуйста, а сегодня... Все обсуждения без меня. Ты лучше глянь, какие цыпочки нарисовались на горизонте.

Без особой охоты Кулагин повернул голову в ту сторону, куда указывал приятель. На пороге ресторана действительно возникли две молоденькие особы в коротких юбках и с откровенно декольтированными вырезами на блузках. По виду ни одной из них никак не могло быть больше девятнадцати

лет, но даже Кулагин вынужден был признать, что выглядели девочки аппетитно. Левинсон заметил блеск у него в глазах.

– Берем? – он слегка стукнул Леонида в плечо. – Я ж понимаю, какой ты голодный до этой темы. Выбирай, которая твоя. Но я бы, конечно, предпочел брюнетку с челкой. Или хочешь ее?

– Нет, не хочу, – Кулагин отвернулся.

– Другую?

– И другую не хочу.

Левинсон изогнул левую бровь;

– Ах, вот оно что! Занятно. Не, я слышал, что иногда зона меняет ориентацию, только мне казалось, к тебе это не может иметь отношения. Но, видимо...

– Че ты несешь? – разозлился Кулагин. – За одни такие намеки уже можно схлопотать по шее. Понял? Я – не педик! С этим у меня все в порядке. Просто... – он уронил голову на грудь, – я очень соскучился по одной особе. Это странно, но я соскучился, Лева.

– Что это за особа?

– Лиза. Лиза Началова.

– Да ну? – не поверил Левинсон. – Ты серьезно, брат? Ты же вроде как ее сам отшил...

– Отшил. Но...

– О чем базар, пацаны? – Лебедев подошел сзади и, обняв Кулагина с Левинсоном за плечи, вклинился между ними. – Я что-то не наблюдаю бурного веселья. Ты по стволам не со-

скучился, Леня?

– В смысле? – не понял Кулагин.

– В прямом. Темыча я уже уговорил. Нес, правда, артачится, но ты же его знаешь. Он как все. Так что решение за тобой.

– Я не врублюсь, о чем ты толкуешь.

Кулагин обвел взглядом столик. Шумскому понадобилось совсем немного спиртного, чтобы начать клевать носом. Он практически полулежал на столе, бессмысленно ковыряя вилкой в салате. При этом губы Неса продолжали беззвучно шевелиться, словно он продолжал что-то кому-то рассказывать. Левинсон засмеялся.

Горшаков пил мало, зато Кулагин видел, как Артем чайстенько покидал стол и наведывался в туалет. Лебедев привез другу по его же просьбе целый пакет шмали. К настоящему моменту глаза у Горшакова застеклянели, но это не мешало ему о чем-то негромко разговаривать с Вершинским. Анатолий отчаянно жестикулировал и время от времени бил Горшакова раскрытой ладонью в плечо.

– Пострелять не хочешь? – пояснил свою мысль Лебедев. – У нас козырные стволы. Лева не даст соврать. Прикупили по случаю штук десять. Сейчас с этим не проблема, Лень. На каждом углу можно купить волюну. Прикинь? Золотые времена настали. Жаль, вы пропустили самое начало.

– Да, жаль, – согласился Кулагин и тут же спросил: – И в кого же ты хочешь пострелять?

Лебедев громко заржал.

– Ну, ты хватил, Леня! «В кого»? Не в кого, а во что. Пока только во что. Мы тут с месяц назад арендовали одно местечко за городом. Недорого, кстати. Сделали там для себя тир. Только не такой дешевый, как все эти пукалки с голимыми патронами, а настоящий. Стволы боевые, патроны боевые. Все как полагается. Адреналин, мать его! Поехали, Леня. Будет здорово! Темыч едет, я... Эй, Лева, ты куда?

Левинсон поднялся из-за стола. Кулагин перехватил его взгляд и увидел, что две те самые девочки, которых они заметили еще при входе, вольготно расположились у барной стойки. Заказали бутылку шампанского на двоих. Кавалеров с ними не было, но мужики с разных концов зала уж начинали вожделенно поглядывать в их сторону. Похоже было, что Левинсон вознамерился захватить в этом вопросе пальму первенства.

– Такие чицы пропадают, – сказал он. – Я просто не могу этого допустить. Ты уж извини, Леня, если не хочешь – не надо. Может, Темыч или Нес возьмут на себя вторую. А если нет, я с двумя управлюсь...

– Слушай, ты, ловелас, – Лебедев схватил его за руку. – Мы по какому поводу собрались тут сегодня? У нас кореша с зоны откинулись. В конце концов, это их праздник. А ты ведешь себя, как последний эгоист.

– Да отвали ты! – Левинсон выдернул руку. – Я же сказал, что готов поделиться. Одной.

– Мы едем стрелять. Скажи, Леня? Темыч едет...

– Я слышал, – краем глаза Левинсон заметил, что из-за столика в дальнем конце зала поднялись двое мужчин. Нужно было торопиться. – Но ты сказал, что Нес не едет. Мы с ним останемся здесь. А вы вчетвером езжайте.

– А тачка? – не унимался Лебедев.

– У тебя своя есть.

– Ты обещал покатать нас на новой.

– Завтра покатаю.

Двое мужчин направились к стойке. Левинсон подорвался с места, как гончая, у которой из-под носа должна уйти добыча. В мгновение ока он уже оказался рядом с девушками. С улыбкой взгромоздился на высокий кожаный табурет. Мужчины остановились, посоветовались и вернулись за свой столик.

– Эгоист! – с чувством произнес Лебедев.

– Оставь его. – Кулагин залпом осушил свою рюмку и даже не поморщился. Ничем закусывать спиртное он не стал. – Я не против пострелять, Рома. Если стволы действительно хорошие.

– Стволы – супер, – Лебедев расплылся в довольной улыбке. – Закачаешься! Я сам выбирал. А ты мой вкус в этом деле знаешь.

– А то!

Шумский уже уснул. Растолкать его не представлялось возможным. Да никто и не собирался этого делать. Левин-

сон обещал присмотреть за ним, хотя в подобное верилось с большим трудом. Он уже привел девушек за столик, заказал еще шампанского и теперь с профессиональным подходом к делу сыпал комплиментами направо и налево...

Кулагин, Горшаков, Вершинский и Лебедев вышли из «Колоды». «Шестерка» Романа стояла рядом с «пятеркой» Левинсона.

– Может, шины ему проколоть? – предложил Вершинский. – Посмотрим, что он дальше с этими шмарами делать будет. А чего? Конкретная хохма выйдет.

– Да брось, – осадил его Кулагин. – Поехали. У меня к тебе и к Ромику разговор конкретный есть. Темыч уже в курсе.

Горшаков солидно кивнул и забрался на переднее пассажирское сиденье «шестерки». Лебедев занял место за рулем. Кулагин и Вершинский приземлились сзади. Натужно зарычал двигатель, и «шестерка» стремительно сорвалась с места.

– Эй, поаккуратнее! – строго предупредил Анатолий, ткнувшись грудью в спинку водительского кресла. – Только ментов нам сегодня не хватало. Ты же гашенный вхлал за рулем.

– Да в сраку я имел этих ментов! – отмахнулся Лебедев. «Жигуль» выскочил на проезжую часть. Горшаков построил во рту косячок и подпалил его. В салоне тут же повис характерный запах марихуаны. Кулагин на полную опустил боковое окно.

– Ты мне должен рассказать, кто есть кто сейчас в горо-

де, – обратился он к Вершинскому. – Кто какой микрорайон сейчас держит и что из себя данный человек представляет, если я его не знаю.

– Ты практически всех знаешь. – Вершинский прихватил с собой из ресторана бутылку вина и сейчас пил прямо из горлышка. Рубиновые капли скатывались у него по подбородку, и в этот момент он напоминал Леониду знаменитого графа Дракулу. – За редкими исключениями, может быть. Несмотря на то что прошло пять лет, в этом вопросе мало что поменялось. Разве что пацаны пошли более борзые. Из молодняка, я имею в виду. А чего ты задумал-то?

Кулагин ответил не сразу. Там, на зоне, когда он рассказывал свой план по объединению Горшакову и Шумскому, все выглядело несколько иначе. Более просто, что ли. А здесь, на воле... Жизнь буквально оглушила Леонида, и он понял, что ему в процессе осуществления намеченной цели придется столкнуться с немалыми трудностями. Придется иметь дело уже не с абстрактными идеями, а с живыми людьми. Из плоти и крови. Как все обернется в реальности? Этого Кулагин пока не знал...

– Я хочу объединить разрозненные «дворы» в единое целое, – сказал он.

Вершинский оторвался от горлышка бутылки.

– Это будет толково, – подал голос с переднего сиденья Горшаков.

– Да, – продолжил Кулагин. – Если создать коалицию,

ментам будет трудно удерживать такой натиск. А сообщая мы сможем достигнуть гораздо большего. И это будет организация, Толян. Мощная организация со своими порядками и внутренним уставом. Надо собрать всех и поговорить. С Протасом, с Жженым, с Мамонтом, с Пальцем, с Антипом и так далее. Это можно устроить?

Вершинский выпятил нижнюю губу.

– Устроить-то, я думаю, можно, – медленно произнес он. – Но не уверен, что твоя идея придется всем по душе. Напротив, многим это не понравится, как мне кажется.

– Я постараюсь быть убедительным.

«Шестерка», управляемая Лебедевым, выскочила за черту города. Вершинский вновь приложился к бутылке и после этого протянул ее Кулагину. Леонид отрицательно покачал головой. Мешать водку с вином, по примеру товарища, он посчитал для себя излишним.

1992 год. «Богдашка»

Уходи!

Кулагин щедро расплатился с таксистом, оставив ему на чай не меньше пяти тысяч рублей, и выбрался из теплого уютного салона на холодный осенний воздух. Бритая наголо макушка без головного убора чувствовала себя на таком ветру не слишком уютно, и Леонид поспешил нырнуть в подъезд нужного дома. Поднялся на лифте на седьмой этаж и остановился возле обитой коричневым дерматином двери. Внешне за те пять лет, которые Кулагин отсутствовал, здесь ничего не изменилось. Те же надписи на стенах, тот же потертый половик, та же грязная, заплеванная лестница. Вот только все тот же дерматин на двери местами порвался, и из него торчали желтые куски поролона.

Сердце гулко стучало в груди, и Кулагин лишь усилием воли заставил себя успокоиться. Рука потянулась к дверному звонку. Интересно, насколько изменилась она сама? А в том, что Лиза должна была измениться за минувшие годы, Кулагин не сомневался. Из шестнадцатилетней девочки она, как минимум, должна была превратиться в оформившуюся во всех отношениях девушку.

Он нажал кнопку и услышал, как в недрах квартиры раздалась переливчатая соловьиная трель. Кулагин отступил на

шаг назад, заложил руки в карманы и стал терпеливо ждать. Не прошло и минуты, как щелкнул замок, и дверь распахнулась внутрь.

Ему повезло. На пороге квартиры действительно стояла Лиза. За пять лет ее семья никуда не переехала, и судьбе было угодно, чтобы девушка сама открыла своему давнему возлюбленному. Ни с ее мамой, ни с папой, ни уж тем более с братом Кулагину общаться совсем не хотелось. Ему была нужна Лиза. Только она.

– Привет...

Да, она изменилась. Вместо волнистых длинных волос у Лизы теперь была модная стрижка «каре», окрашенная в пепельно-русый цвет. Некогда озорная челка исчезла. На лице едва заметные следы легкой косметики. Вот только глаза не изменились ни капли. Ее глаза Кулагин помнил до сих пор. Нередко они снились ему в зоне. Именно ее глаза.

Леонид слегка опустил взгляд. Грудь у Лизы тоже стала заметно больше, и откровенный вырез блузки позволял видеть большую ее часть. Чуть выше поблескивало дешевое, выполненное под золото ожерелье, и Кулагин узнал в нем то самое, которое лично подарил девушке на окончание девятого класса. То, что, несмотря на его дешевизну, Лиза до сих пор не рассталась с этим украшением, приятно порадовало вчерашнего зэка.

– Леня? – Ее глаза округлились от изумления, а руки привычно вспорхнули вверх и легли на шею. – Ты? Боже мой!

Тебя уже... То есть, я хочу сказать, ты... Ты освободился?

– Три дня назад, – он открыто улыбнулся. – Пригласишь?

Ее реакция была не совсем такой, как он ожидал. Лиза немного затравленно оглянулась через плечо, затем, перешагнув порог, ступила на лестничную клетку и слегка прикрыла за собой дверь.

– Зачем? – спросила она. – Что ты хотел? Разве в прошлый раз ты сказал мне не все?

Да, теперь Кулагину стало понятно, что Лиза изменилась не только внешне. Без сомнения, она, как и он сам, стала значительно крепче духом. И более решительной.

– У тебя там кто-то есть? – Он кивнул в сторону квартиры.

– Там мама, – по глазам девушки не сложно было догадаться, что она не врет. – Ей в последнее время сильно нездоровится. Мне не хотелось бы лишний раз травмировать ее. Так зачем ты пришел, Леня?

– Поговорить.

– Со мной? Это странно...

– Почему странно? – В эту секунду Кулагину ужасно хотелось закурить, но он сдержал себя. Не вынимая рук из карманов, он буквально ощупывал глазами лицо девушки. И не только лицо. – Я скучал по тебе, Лиза. Очень. Не скажу, что я думал о тебе каждый день, но достаточно часто. Мне не хватало тебя. И не хватает до сих пор.

– В самом деле? – Ее лицо исказила кривая ухмылка. – Так не хватало, что ты ни разу не нашел ни времени, ни желания

написать мне хотя бы пару строчек?

– Лиза...

Девушка перебила его:

– Ты помнишь, что ты сказал мне тогда, Леня?

Он помнил. Он отлично помнил тот день, когда она пришла к нему после его ареста, и весь разговор, который состоялся между ними. Дословно. Кулагин помнил все. Даже то, во что Лиза тогда была одета. Но пять лет назад ему казалось, что день сегодняшний уже никогда не наступит. Впереди маячил срок. Бесконечный... Вечный... Навсегда. Но теперь он вернулся. К чему?..

– Да, я помню, – через силу выдавил Леонид.

– Ну надо же! – Лиза откровенно мстила ему, и Кулагин отлично понимал это. Было за что. – Знаешь, как это ни странно, но я тоже помню. Ты сказал мне: «Уходи!» А теперь ты пришел сам. Зачем? На что ты рассчитываешь? Что я такая же дура, как и раньше?

– Нет...

– Теперь настал мой черед сказать: «Уходи!» Уходи, Леня! Я не хочу тебя видеть.

– Лиза...

– Нам не о чем говорить.

Она развернулась с намерением скрыться в квартире, но Кулагин успел перехватить девушку за локоть. Лиза резко обернулась:

– Пусти меня!

– Я хочу, чтобы ты выслушала меня, – его глаза сошлись в недобром прищуре. – Удели мне хотя бы пять минут.

– Пусти!..

Кулагин разомкнул пальцы. Лиза отступила на шаг назад и быстрым движением поправила прическу, хотя та и без этого была в идеальном состоянии. Верхняя пуговица блузки расстегнулась, и теперь Леонид мог видеть не только часть ее груди, но и полупрозрачное кружевное белье. Пять лет, проведенных вне женского общества, мгновенно дали о себе знать. Кулагину показалось, что вся кровь опустилась вниз и сосредоточилась в одном конкретном месте. Было похоже, что Лиза тоже это заметила, потому как ее коварная улыбка стала еще шире.

– Пять минут, говоришь? – Она демонстративно скосила глаза вниз и лишь через пару секунд вновь встретилась с Кулагиным взглядом. – Хорошо. Пять минут я могу тебе дать. Говори.

– Лиза... – Леонид почувствовал, что губы у него пересохла от волнения, и он быстро провел по ним языком. Когда он час назад разговаривал с девушкой мысленно, все это казалось гораздо проще. Кулагин был не мастак произносить возвышенные речи. – Я люблю тебя! Ты для меня значишь гораздо больше, чем все остальное в этом мире. А тогда... Тогда я посчитал, что тебе лучше не связываться с таким, как я...

– А сейчас считаешь иначе?

– Да... То есть нет. Я и сейчас считаю так же, но... Я не могу без тебя, Лиза. Я не представляю себе жизни без тебя. И... Собственно, это, наверное... все, что я хотел сказать...

– Все? – Ее взгляд смягчился, но в целом она старалась придерживаться прежней твердой позиции.

– Да.

– Тогда уходи, Леня. Всего хорошего.

На этот раз, когда она развернулась, Кулагин не стал ее удерживать. Дверь мягко захлопнулась, и Леонид слышал, как ключ повернулся в замке. Лиза ушла.

– Ну, ладно...

Прикурив сигарету, Кулагин не стал пользоваться лифтом, а медленно пошел вниз по лестнице. По большому счету все произошло так, как и должно было произойти. Пове-ди Лиза себя иначе, она действительно выглядела бы в глазах Леонида полной дурочкой. Но настроение у Кулагина все равно было прескверное.

1992 год. Андреевский проспект

Путь праведника

– Ты?... – усмехнулся Леонид, увидев за порогом квартиры Андрея Началова.

– Я. Что же ты, войти не пригласишь?

– Проходи, если хочешь, – Кулагин отстранился и пропустил незваного гостя в квартиру. – Ты по делу или как?

– Какие у меня с тобой могут быть дела, Кулагин? – Началов презрительно поморщился. – Я напомнить тебе кое-что пришел...

– А я на память никогда особо не жаловался. – Кулагин взял с тумбочки в углу коридора пачку сигарет и прикурил. – Чего ты хотел?

Началов распахнул куртку и по старой, выработавшейся у него привычке поправил узелок галстука, туго затянув его вокруг белоснежного воротничка рубашки. – Что я хотел? Ты знаешь, что я хотел.

Кулагин прислонился к стене, выпустил вверх струю дыма и вопросительно посмотрел на Началова. Несколько секунд оба молчали.

– Я тебя не понимаю. Может быть, пояснишь?

– Это не я должен тебе пояснять. Это мне хотелось бы услышать от тебя... Я что, плохо предупредил в тот раз? Ты

что-то, может быть, не понял?

– Ты о чем?

– О чем я? Скорее, о ком. Ты не догадываешься, что я говорю о Лизе?

– А что Лиза? – Леонид прямо и открыто смотрел в глаза Началова.

– Перестань, Кулагин. Ты прекрасно все понял. – Началов взял с полки телефонную книгу и с силой опустил ее обратно. – Ты не хочешь уйти отсюда стороной? Свалить? Оставить ее в покое?

– Ах, вот о чем ты, Андрюша! – Кулагин усмехнулся и сделал новую глубокую затяжку. – Невозможно. Я люблю эту девушку, и я буду с ней встречаться, несмотря на то, что ты – ее брат.

– Значит, ты ничего не понял, – проговорил Началов.

– А что я должен был понять? Я на пять лет поумнел. – Кулагин потрогал рукой гладко выбритый череп. – Там, на зоне, начинаешь понимать, кто здесь, на свободе, человек, а кто дерьмо. За что ты голову отдашь, а на что положишь с высокой вышки. Врубаешься, ментяра? У меня теперь совсем другая пристройка к людям. И к тебе, кстати, в том числе. И на тебя я... клал большой болт.

– Вот как? Ты, кажется, забыл, кто я?

– А кто ты? – Кулагин с усмешкой покосился на форменные погоны собеседника. – Старлей? Шестерка ментовская? Началов схватил Леонида за грудки, тряхнул и с силой

прижал его спиной к двери:

– Для тебя я еще и брат Лизы!

Началов замер, ожидая дальнейших действий противника, но Леонид только поднял вверх подбородок, освобождаясь от давящего на кадык воротничка рубашки.

– Я повторяю, мои отношения с Лизой не имеют к тебе никакого отношения. Я люблю эту девушку, и я буду с ней. Я так хочу. И она тоже этого хочет. Я больше того тебе скажу, я планирую жениться на Лизе.

Началов расцепил пальцы и выпустил из рук рубашку Кулагина.

– Даже так? Посмотрим, как у тебя это получится.

– Получится, не сомневайся. Лиза меня выбрала...

– А как насчет того, что ты, козел, преступник?

– А вот здесь ты ошибаешься. Я завязал...

– Ты? – оборвал Леонида на полуслове Началов и громко показно рассмеялся. – Такие, как ты, не завязывают, Кулагин... Уж поверь моему опыту. Я очень-очень сомневаюсь, что у тебя это получится, даже если бы ты этого сильно захотел.

– Никакого криминала. Я – свободный человек, и я искупил свою вину перед обществом. Пять лет, Андрей. Ты знаешь, что это? Пять лет за решеткой?

– Все правильно... Ты – уголовник. Ты отсидел, Кулагин... И тот, кто бывал на зоне, уже никогда не будет чист. Ты замазан на всю оставшуюся жизнь. У тебя клеймо на лбу.

Да если бы я захотел, тебя бы уже давно не было! У меня есть свои люди на зоне. Тебя бы уже давно похоронили в тюрьге.

– Но ведь не похоронили? И я искупил свой грех. Я отсидел... И теперь у меня нет сомнений в том, как следует поступать. Все решено!

– Ну, смотри, Кулагин, – прервал его Началов. – Я не верю тебе. Не верю, что ты исправился. Я знаю тебя уже девятнадцать лет. И с первого класса у тебя были проблемы... Для меня ты навсегда останешься преступником. И что бы там ни произошло, я буду за тобой всегда наблюдать. Ты и здесь, в районе, будешь как на зоне. Имей это в виду. И не дай бог тебе на чем-нибудь хоть раз где-нибудь проколоться. Даже на мелкой какой-нибудь поножовщине или карманщине. На чем угодно. Я тебя упрячу снова за решетку. И это скоро произойдет... Я буду за тобой наблюдать двадцать четыре часа в сутки. Знай, что ни одно твое движение не пройдет для меня незамеченным. У меня есть для этого все необходимое.

– Слушай, а ты не превышаешь служебные полномочия? – спокойно парировал Кулагин.

Началов побагровел:

– Я по два раза не повторяю. Лучше сделай, как я сказал.

– Дерзай, начальничек, – ответил Кулагин. – Ты знаешь... я, вообще-то, был занят. У меня больше нет времени на то, чтобы разговаривать с тобой. Дела...

– Я тебя предупредил!

Началов презрительно посмотрел в глаза Леонида и сде-

лал шаг по направлению к выходу. Отстранив Кулагина от двери, он решительно шагнул в подъезд.

1992 год. Ресторан «Колода»

Коалиция

– У нас прямо какой-то стол переговоров получается, – усмехнулся Антипов, представляющий интересы микрорайона Дачный.

Кулагин смерил его снисходительным взглядом:

– Можно сказать, так оно и есть, Антип.

Для того чтобы собрать всех более или менее авторитетных пацанов Новоречинска, под которыми находилось как минимум два-три курируемых ларька и чьи группировки насчитывали не меньше пяти братков, Кулагину пришлось изрядно попотеть. Сходка, которая сегодня проходила в закрытом банкетном зале «Колоды», по тем или иным причинам откладывалась уже дважды. Но в итоге Леонид добился-таки своего. На сходке собралось не менее сорока человек.

По правую руку от Кулагина, взявшего на себя функции председательствующего, расположился Артем Горшаков, по левую – Анатолий Вершинский. Тут же, за столом, в непосредственной близости от Леонида сидели и Шумский, и Лебедев, и Левинсон... Остальные расположились по периметру.

– Пацаны, – Кулагин поднялся, – я не буду тратить наше драгоценное время на длинные речи и уж тем более на пре-

дисловия. Я считаю, что будет лучше, если основное время мы потратим на то, чтобы выпить и насладиться местным харчем. Но суть того, зачем я созвал вас всех здесь сегодня, это положить конец войне между нашими микрорайонами. Знаю, что все мы стремимся к организованной преступности... Всем нам хочется подмять под себя начинающих коммерсантов и кормиться за их счет. Ментам, в свою очередь, такой расклад не по душе...

– Это уж точно, – ввернул парень, погоняло которого, как знал Кулагин, было Жженный. – Ментам мы все поперек горла.

– И не только им, – поддержал Жженого Антипов. – Бизнесмены тоже не в восторге от того, что мы собираемся сесть им на шею. Пару недель назад один из моих ларечников чуть ли не открытую войну мне объявил. Пришлось популярно жевануть ему, кто есть кто с позиции силы...

– Вот, – Кулагин поднял вверх указательный палец. – Об этом я и говорю. А теперь представьте, что будет дальше. Если мы будем расширяться. И если нам придется иметь дело не с ларечниками, а с более крупными шишками. У них тоже есть представления о позиции силы. А это уже совсем другие войны.

– Кончай темнить, Леонид, – небрежно бросил Семенец по прозвищу Мамонт. – К чему ты клонишь? В чем заключается твое предложение?

– Нам нужно объединиться, – сказал Кулагин, обводя

взглядом всех присутствующих. – И менты, и бизнесмены, почувствовав свою безнаказанность, легко перебыют или пересажают нас поодиночке. И это еще и при том, что мы сами начнем рвать друг другу глотки из-за лишнего куска. Я знаю, о чем говорю, потому что сам уже прошел через это... Отдельные дворы обречены на отмирание. А если мы создадим коалицию и начнем действовать сообща, то подмять нас будет очень непросто. И мы сумеем с легкостью прибрать к рукам весь Новоречинск.

– Эх, как ты хватил, Леня! – присвистнул Протас. – Весь?

– Да, весь! – Кулагин и сам воодушевлялся собственной речью. – И это не нелепая фантазия. Все в наших руках. Оглянитесь на Москву, на Питер, пацаны... У них четкая, отлаженная система, продиктованная тянущимися испокон веков воровскими традициями. У них закон! Порядок! А чем мы хуже? Неужели мы собираемся до старости носить повешенный на нас ярлык шпаны?

– А чего ты хочешь? – весело спросил Антипов. – Стать вором в законе?

Его шутка была встречена дружным смехом, однако сам Кулагин при этом даже не улыбнулся.

– Может быть, со временем. А почему бы и нет? – серьезно произнес он.

Вершинский удивленно вскинул вверх брови и молча переглянулся с Левинсоном. Тот скупно улыбнулся приятелю в ответ. Оба поняли друг друга без слов, но никто из них

не стал прерывать Кулагина. Не тот случай. Сейчас было необходимо, чтобы Леонид постарался завоевать как можно больше голосов в свою пользу.

– Но сейчас не об этом. Мы будем решать проблемы по мере их поступления. И главное в настоящий момент – это объединение. Если у нас будет мощная структура, то мы сумеем противопоставить себя кому угодно.

Кулагин замолчал. Основное уже было произнесено. Теперь было необходимо, чтобы смысл сказанного дошел до каждого из присутствующих. Лебедев придвинул к себе пепельницу и настороженно окинул всех взглядом из-под нахмуренных бровей. Долгое время никто не решался нарушить установившуюся в банкетном зале тишину.

– Ну хорошо, – первым взял слово Круглов, прекрасно известный всем в городе яростный противник ментовского беспредела. – Допустим, ты прав, Леонид. Группировка в сто человек, безусловно, имеет гораздо больше шансов на успех, чем группировки по пять-шесть. Но кто будет руководить такой мощной организацией? Кто возьмет на себя ответственность держать в узде всех и каждого?

Кулагин ждал этого вопроса.

– Им может стать любой из нас. Это несложно будет решить при помощи голосования, когда мы все придем к единому решению по поводу коалиции...

Ехидный смешок слева заставил Леонида оборвать заготовленную им речь на полуслове и недовольно повернуть го-

лову. Удивление в полной мере отразилось на его лице. Смешок принадлежал Нестору Шумскому.

– В чем дело, Нес?

– Мне будет позволено высказаться? – Шумский выудил изо рта сигарету с замусоленным фильтром и вяло опустил ее в близлежащее блюдо. – Очень бы хотелось, Леня. Если ты позволишь...

Кулагин нахмурился. Поведение Нестора было в высшей степени странным. Никогда прежде он не разговаривал с друзьями в подобном тоне. Горшаков слегка потянул Кулагина за рукав и качнул головой.

– Конечно, Нес, какой базар? Говори.

– Спасибо. – Шумский поднялся из-за стола. – Я уже слышал идею, которую высказывает Леонид, еще на зоне. И мне сейчас показалось, что, если я буду молчать, мы все потеряем уйму времени понапрасну. Идея объединения – это, честно говоря, дерьмовая идея.

– Что? – Вершинский чуть не поперхнулся табачным дымом. – Ты чего, Нес, белены объелся? Крышняк рвет? Что за гнилой расклад?

– Это не гнилой расклад, Толя, – спокойно возразил соратнику Шумский. – Леонид позволил мне высказаться, и я выскажусь. – Я считаю, что пока каждый сам за себя, мы сохраняем самое главное. Свободу личности...

– Во, бля! – не удержался от восклицания Левинсон.

– Да-да, – продолжил Шумский. – Загнать всех под один

хомут – это глупо. Извини, конечно, Ленья... Но ты, чувствуется, много думал на эту тему. У меня тоже было время подумать. Такая политика в корне неверна. И, если мы объединимся, легавые тут же и начнут шерстить нас всех под одну гребенку. Зачем нам город? Лично я не гонюсь за обогащением. Я имею в виду баснословное обогащение. И, полагаю, я тут такой не единственный...

Бледность залила лицо Кулагина. Он отлично видел, как после этих слов Шумского несколько человек согласно закивали. Антипов, Круглов, Гаджиенко, Вася Лихой... Никак не меньше десятка. Вершинский негромко выматерился. Лебедев потянулся к пачке за новой сигаретой.

– Как гласит старая, всем известная поговорка: «Жадность фраера сгубила», – Шумский уперся двумя кулаками в стол. – Так вот: отсюда у меня вопрос. Зачем нам уподобляться таким фраерам? Сидим себе тихо и имеем неплохую копейку. Причем каждый на своей территории. Глядишь, менты и прохлопают чего-нибудь ушами. А тут... – Нестор перевел взгляд на Кулагина и сказал, стоически глядя ему в глаза: – Ты сам сказал, Ленья: организованная преступность. Это уж, извини, совсем другая статья. И другой срок, Ленья. Мне лично не улыбается снова оказаться за решеткой.

– Никто за ней не окажется, – возразил Кулагин. – Если всю структуру построить по уму. Я уже набросал схему. Разбивая организацию на отдельные ячейки...

Шумский вновь издал тот же самый короткий смешок.

— Ну надо же! Ты набросал схему? Тогда чего ж ты тут нам уши трешь насчет голосования? Выходит, ты уже сам себя автоматически поставил во главу группировки? Так все дело в амбициях? Да, Леня?

— Черт! — не выдержал Горшаков. Он тоже поднялся на ноги. — А хочешь в репу, братан? Это я тебе мигом могу оформить!

— Успокойся, Темыч, — вмешался Лебедев и тут же обратился к Шумскому: — Но, какая муха тебя в натуре, укусила, Нес?

— Никакая муха меня не кусала, — отмахнулся Шумский и сел. — Я просто высказал свое мнение. Я против этой коалиции, как вы ее называете.

— То есть каждый сам за себя? — спросил Кулагин. — Закон джунглей?

— Считай, что так. В любом случае, я сказал то, что сказал. А теперь можно переходить к голосованию.

Во второй раз за вечер в зале повисла напряженная тишина. Кулагин до боли стиснул кулаки. Его старый товарищ непонятно зачем сумел добиться того, к чему стремился. Внес раскол. Об этом несложно было догадаться по лицам присутствующих.

Новый тревожный звоночек не заставил себя ждать.

— Я согласен с Нестором, — мрачно произнес Гаджиенко. — У меня есть своя маленькая территория, есть свои точки, с которых я имею навар. И я не хочу делиться этим ни с кем.

Не хочу, чтобы кто-то, кого бы мы ни поставили во главе коалиции, указывал мне, что и как я должен делать. Я сам себе голова.

– Поддерживаю, – кивнул Круглов.

– А мне кажется, Леня прав, – сказал Семенец. – Объединившись, мы все только выиграем.

– Конечно, прав, – в привычной своей манере разговаривать просвистел Вершинский. – Если у кого и имеются болезненные амбиции, так это у тех, кто не хочет делиться своими смехотворными крохами.

– Дерьмо собачье! – вскочил на ноги Антипов.

По его примеру из-за стола повскакивало еще несколько человек. Каждый стремился высказаться, невзирая на доводы оппонентов и не слушая того, что говорил рядом стоящий или сидящий. Поднялся самый настоящий гам, причем большую часть дискуссии составляли взаимные матерные оскорбления. В отдельных случаях дело чуть не дошло до мордобития и поножовщины.

– Пошли отсюда, – Кулагин похлопал по плечу Горшакова. – Карта бита. Надо говорить теперь с каждым по отдельности.

– Ну, Нес! – Артем обнажил зубы в кровожадном оскале. – Ну, сука! Не ожидал... Я ему, гаденышу...

Кулагин не стал дослушивать приятеля. Развернувшись, он двинулся к выходу из банкетного зала. За ним потянулся Вершинский. Потом Лебедев.

– Так мы жрать не будем, что ли? – недовольно буркнул Левинсон.

– В другом месте пожрем, – ответил Горшаков. – Пошли, Лева.

Шумский не стал подниматься из-за стола. Он даже не удостоил уходящих из зала прощальным взглядом. Горшаков очень желал встретиться с ним глазами, но этого не произошло. Мотивы Нестора так и остались для него неясными.

Негромко хлопнула дверь. Собранные Кулагиным местные авторитетные ребята продолжали активно выяснять друг с другом отношения.

1992 год. Окраина Новоречинска

Стрелка

– Ну надо же! – Горшаков бросил сигарету в снег себе под ноги и, прикрыв глаза от солнца ладонью, пристально всмотрелся в три приближающиеся к месту стрелки машины. – Ты глянь, Леня! Кто бы мог подумать, да? Нес стал таким крутым. И народец за ним потянулся, как ни странно...

– Этот народец не за ним потянулся, – процедил сквозь зубы стоящий рядом Кулагин. – А за тем разбродом, который Нес пропагандирует. И что за шлея ему под хвост попала, не пойму.

– Давай ему рыло начистим, – внес радикальное предложение Горшаков.

Кулагин не ответил. Три вновь прибывшие машины плавно пересекли территорию пустыря и остановились на почти-тельном расстоянии от автомобилей, на которых прибыл со своими приспешниками Леонид. Шумский первым выбрался из центральной «шестерки». За ним последовали Круглов и Антипов. Из соседней «копейки» выбрался молоденький парнишка, известный Кулагину по кличке Рубероид. Лет пять-шесть назад он был одним из тех, кто повсюду таскался за лидером вокзальной группировки Айраном. Странно, что его не оказалось среди своих в тот злополучный день, когда

все тот же Шумский уложил своим стилетом двух байкеров. Из третьей машины никто не вышел, но Кулагин знал, что из нее за стрелкой наблюдают те, кому в случае необходимости придется сыграть решающую роль в силовом столкновении. Точно такую же функцию выполняли и его ребята под руководством притаившегося в «москвиче» новой модели Лебедева, только их численность была выше, и они размещались сразу в двух автомобилях.

– Все предусмотрел, сука, – вполголоса произнес Левинсон, зябко кутаясь в широкий овчинный тулуп. – Продуманный не хуже нас.

– Знал бы я, что он такой козел, ни за что не стал бы за него у хозяина мазу тянуть, – Горшаков сплюнул. – Вспомнить страшно, сколько раз я его вытаскивал из неприятностей. А он, тварь, как барахлом был, так барахлом и остался. Леня, давай я с ходу ему пулю промеж глаз всажу.

– Угомонись! – осадил соратника Кулагин.

Заметив, что Круглов и Антипов заметно подотстали от продолжавшего шествовать в их направлении Шумского, он сам двинулся навстречу недавнему товарищу. Горшаков тоже сорвался с места, но Кулагин остановил его движение едва заметным взмахом руки. Левинсон просунул правую руку под тулуп. Дежуривший у раскрытой дверцы новенькой «девятки» Вершинский нервно сменил положение тела. Кулагин отлично понимал, что все его ребята на взводе. Должен был понимать это и Шумский. Не совсем же он дурак,

в самом деле...

Они остановились друг против друга и некоторое время оба хранили сосредоточенное молчание. Кулагин изучал Шумского так, словно видел его впервые в жизни. Прикидывал, на что способен его бывший дворовый, а затем и лагерный приятель. Нестор делал то же самое. Невольно Кулагин отметил заложенные глубоко в карманы пальто руки Шумского, и это вновь напомнило ему о стрелке пятилетней давности. Точно так же Нестор тогда прятал свой стилет. Что у него там сейчас?..

– Ну? – Шумский первым нарушил молчание. – Зачем эта встреча, Леня? Что ты хотел мне сказать? Если ты надеешься проехаться мне по ушам, так это напрасно. Ты уже достаточно ясно обозначил свою позицию в прошлый раз, и я, кажется, тоже. Ничего не изменилось за истекшие несколько дней.

Кулагин сокрушенно покачал головой.

– Что с тобой происходит, Нес? – вполне тепло и по-дружески поинтересовался он.

– Не надо, Леня, – усмехнулся тот.

– Что не надо?

– Не надо строить из себя психолога. Тебе это не идет. К чему эти тупые вопросы? «Что с тобой происходит, Нес?» Ничего. Я просто считаю, что ты начинаешь излишне качать права.

– Какие права?

– Объединение, о котором ты говоришь, – Шумский по-

морщился. – Думаешь, я такой тупой? Думаешь, я не понимаю, чего ты добиваешься? Власти! Подмять под себя всех и вся. Разве нет? С чего такие амбиции, старик? Раньше за тобой этого не наблюдалось. Так что это я, наверное, больше вправе спросить: «Что с тобой происходит?»

– Нес!.. Послушай...

Кулагин шагнул вперед, и Шумский тут же невольно отпрянул. Леонид заметил, как его бывший приятель напрягся всем телом. Стоящий позади него Круглов выхватил из-под куртки пистолет. Его примеру последовал и Антипов. Рубе-роид отошел к машине с прикрытием, у которой тут же распахнулись две задние дверцы. Кулагин оглянулся назад. И у Горшакова, и у Левинсона, и у Вершинского в руках было оружие. Одну из машин силовой поддержки покинуло три человека во главе с Лебедевым. У второй натужно взревел двигатель. Кулагин скрипнул зубами.

– Стоп, – негромко сказал он, обращаясь к Шумскому, а затем уже выкрикнул еще раз, вскидывая вверх руку: – Стоп! Уберите пушки, ребята! Черт! Нес, я не хочу крови. И уж тем более я не собираюсь убивать тебя. Ты – мой друг. Неужели ты забыл об этом, Нес?

– Я – нет, а вот ты...

– Да что ты несешь, мать твою! – кулаки Кулагина сжались настолько, что ногти до боли впились в ладони и вспороли зачерствленную на морозе кожу. – Опомнись! У тебя совсем масло в чайнике перекипело? При чем тут мои амби-

ции? Мы не раз обсуждали этот вопрос на зоне. Помнишь? Я говорил о коалиции, о централизации, о порядке. Только так сейчас можно выжить, Нес. Это единственный путь. Поодиночке никто не выплывет. Нужна организация. И ты соглашался...

– Я? – Шумский покачал головой. – Я не соглашался, Ле-
ня. Я просто молчал и думал. Ты, видимо, забыл. Я никогда не высказывался за твою идею фикс.

– Но ты же понимаешь, что я прав!

– Нет. Не думаю... Ты идешь к тому, против чего при-
зываешь выступать, Леонид, – Шумский впервые в жизни
обратился к Кулагину так, называя его полным именем, и
это лишь подтвердило предположение последнего о том, что
между ним и Нестором пролегла глубокая пропасть отчуж-
дения. Более того, она с каждым разом становилась все ши-
ре. – К несвободе! Когда каждый сам за себя, как было рань-
ше, он вправе принимать любые решения самостоятельно. А
ты хочешь принимать их за всех. Ты один. И мне не кажется
это правильным.

– Но как раньше, уже быть не может, Нес. – У Кулагина все
еще теплилась надежда на то, что он сможет переубедить со-
беседника. – Времена изменились. Изменилось очень мно-
гое, начиная с государственного строя. Пережитки прошло-
го рухнули окончательно. И ты со своими дружками – един-
ственные, кто продолжает отчаянно цепляться за них. Мы в
девяносто втором, Нес, а ты все еще там, в восьмидесятых.

У Шумского на лице заходили желваки. Несмотря на мороз, лицо покрылось мертвенной бледностью. Кулагин запоздало понял, что ударил приятеля в самое чувствительное место. Наступил на старую мозоль.

– Так вот в чем ты меня обвиняешь! – зубы Шумского стали выбивать мелкую дробь. – В слабоумии! Ну конечно! Вы ведь такие умные, такие продвинутые! Ты, Артем, Лева... А я – долбак законченный...

– Никто тебя таковым не считает, Нес, – попытался исправить положение Кулагин, но было поздно.

– Все! Хорош бакланить! – Шумский выдернул руки из карманов, но, вопреки ожиданиям Леонида, в них ничего не оказалось. – Я все выслушал, все осмыслил, и мой ответ остается прежним. Вы сами по себе, а мы сами. Никакого объединения. То есть вы можете, конечно, объединяться друг с другом хоть до бесконечности!.. Можете даже трахнуть друг друга в жопу, если вам это доставит удовольствие! Но на чужие территории рот не разевайте. Рискуете наглотаться маслин!

– Даже так? – Кулагин, несмотря ни на что, остался абсолютно спокойным.

– А ты думал, ты такой грозный, что все сразу в штаны наделяют? Да на хрену мы тебя вертели, Леонид! Еще вопросы есть? Или встречу можно считать законченной?

Круглов и Антипов продвинулись еще на пару шагов вперед. У каждого из них в руке находилось по пистолету, но

пока оружие было направлено дулами вниз. Из машины прикрытия Шумского никто не выходил. Он сам ждал реакции Кулагина.

Леонид неторопливо вынул из кармана сигареты и закурил. Затянулся, затем выпустил дым вверх, глядя на светлое, но по-зимнему холодное и безликое небо.

– Нет, – ответил он после паузы. – У меня больше вопросов нет, Нес. Пока нет. Я буду ждать, что ты одумаешься, и мы сможем поговорить с тобой еще раз. Более спокойно.

– Можешь на это не рассчитывать! – Шумский круто развернулся. – Пошли, ребята.

Круглов с Антиповым покорно двинулись следом за ним к машинам, на которых приехали. Не похоже было на то, чтобы эти парни имели реальное право голоса и свободу, о которой говорил Нестор. Но Кулагин не стал акцентировать на этом внимание сейчас. Он просто стоял и молча наблюдал за тем, как Шумский с друзьями загружаются в свои автомобили. Сзади к Леониду бесшумно приблизился Горшаков.

– Еще есть время, Лень, – произнес он шепотом. – Ты только подай знак. Мы этих уродов мигом расшмаляем. И никакие волюны им пригодиться не успеют. Нес я лично положу, засранца. Тоже мне полуночный ковбой.

– Уймись, – осадил соратника Кулагин.

– Да че за сантименты, Лень? Ты же сам прекрасно видишь, это уже не тот Нес, которого мы знали. Говнюк какой-то...

– Я сказал, уймись, Темыч.

Шумский скрылся в салоне автомобиля. После этого по машинам расселись и все его приспешники. Затарахтели двигатели, и кавалькада из трех авто синхронно тронулась с места. Секунд через десять-пятнадцать они уже покинули пустырь. Кулагин глубоко затаился и бросил сигарету под ноги. Красный мерцающий огонек скрылся в белом рыхлом сугробе. Леонид одним движением поправил шапку на голове.

– Все, поехали, – коротко распорядился он.

Горшаков переглянулся с Левинсоном. Пожал плечами. Что было на уме у Кулагина, определить не представлялось возможным. Вершинский слегка отступил в сторону, пропуская Леонида в салон «девятки».

1992 год. Ресторан «Седьмое чудо света» Киллеры

– Большая часть дворов уже с нами, – Кулагин потер гладко выбритый подбородок и взял в руку рюмку. – А ну-ка, сложи в уме...

Горшаков поспешно проглотил насаженный на вилку кусок зажаренной на огне баранины, сдобрив его глотком томатного сока.

– Лебедь, Крученный, Протас, Жженный, Бекетов, Палец, Иванов, Федул, Мамонт, Испанец, Сохин. Весь Заводской район... Короче, большая часть.

Кулагин не стал пить. Он вернул рюмку на прежнее место:

– Большая. Но не все.

– Да, есть несогласные. По моим подсчетам, пятнадцать против. И Нес в том числе, – многозначительно добавил Горшаков после паузы.

– Ну, и что будем делать? Ваши предложения.

Леонид обвел взглядом присутствующих, хотя у него заранее был готов собственный ответ на поставленный вопрос. По большому счету, Кулагин не нуждался в советах. Но опытный стратег должен был оставаться стратегом при любых обстоятельствах.

– Да забить на них! – начал Горшаков. – Ну, двоим-троим бошки поотрывать, а остальные сами прибегут. Нормальные же деньги... Они, дураки, не понимают, что мы все только выиграем от этого.

– А вы что скажете? – раскуривая сигарету, Кулагин обратился к сидящим напротив него Вершинскому и Левинсону.

Анатолий хотел что-то сказать, но так как рот у него в этот момент был полон закуски, он вытянул большой палец руки и характерным жестом провел им под подбородком.

– Порезать всех. К чертовой матери! – высказался и за себя, и за товарища Левинсон, разводя руки в стороны. – Они же думают, что коалиция заберет у них больше, чем они приобретут. Так, Леня? Так... Или, как говорит Артем, надо просто забить на них. И делать свое дело.

– Но как его делать, если кто-то потянет в одну сторону, кто-то в другую? – возмутился Кулагин. – Мне надо, чтобы в коалицию вошли все без исключения. Только тогда мы сможем взять под свой контроль промышленников. В любой самый неподходящий момент несогласные могут заявить о себе. Или все вместе, или никак! Раскол хуже, чем разрозненные группировки. Если мы оставим это просто так сейчас, то завтра они нам перережут глотки, а все, что мы наработали, пойдет в их карманы. Они мгновенно организуют крышу над нашими объектами.

– Ничего мы тут мирными переговорами не добьемся. Не надо ни с кем церемониться. Дались они! Пару человек про-

учить. – Вершинский насадил на вилку очередной кусок мяса.

Горшаков потянулся к графину с водкой и разлил ее по рюмкам.

– А ты думаешь, эта мелкая шантрапа не решится шмальнуть нас?

– То, что среди отколовшихся найдутся желающие нас убрать, не сомневаюсь. Не Шумский, так кто-то другой. Плевать на них. Мне неинтересно, что думают они... Мне надо объединить дворы. – Кулагин потянулся за рюмкой и поднял ее над столом.

Горшаков повторил его жест.

– Давайте! За дело!

Вершинский и Левинсон охотно присоединились. Все четверо дружно чокнулись и тут же осушили рюмки. Леонид поставил на стол опорожненную тару, придвинул к себе тарелку с супом и, зачерпнув ложкой гущу, отправил ее в рот.

– После того как прозвучала идея создания коалиции, все, кто не с нами, наши враги. А те, кто поддержал нас, будут под пристальным вниманием наших врагов. Теперь ни одному из нас нет дороги назад. Мы позарились на большой куш. Это не понравится многим. Но мне на их мнение – с высокой колокольни! Либо мы насильно присоединяем несогласных к коалиции, либо мы их убираем.

– У тебя есть конкретная идея? – Горшаков отстранился от стола, завершив трапезу, и с сухим щелчком раскрыл

заветный серебряный портсигар с аккуратно уложенными в нем штакетинами анаши.

– Тех, кто не согласен, будем просто убивать, – ответил Кулагин. – Я так решил. Надо ликвидировать каждого, кто поперет против коалиции. Мы не дадим им покоя. Они будут пытаться отколоть от нас несколько групп и переманить под свою опеку. Я считаю, что надо создавать группу ликвидаторов. И решать вопрос кардинально. Иначе уже завтра мы рискуем остаться ни с чем. – Кулагин опустил ложку в тарелку и посмотрел на Горшакова.

– Ты прав. Только зачем нам палево, Леонид? Группу! Надо двоих стоящих профессионалов, и все. Покатит. А уж если появится группа, они будут... ну, как бы штабные. Мазитов и Копнин, например. Они знают свое дело. Надо поручать это Мазитову. А если понадобится кто-то еще, они уже все организуют сами.

Кулагин отправил в рот последнюю ложку супа и отставил тарелку в сторону.

– Ладно. Двое так двое, – сказал он. – Мазитов и Копнин. Больше никто не нужен. Решено. А чтобы не начался разброд, надо, чтобы они начали работу завтра же. Иначе мы упустим момент. Нас перестанут уважать. Когда ты сможешь достать Мазитова?

– Могу хоть сейчас. Позвоню, и через пятнадцать минут будет. У него хата в соседнем доме. А Копнин у него всегда трется.

– Давай, тащи его сюда и скажи, чтоб шевелил поршнями. Водка стынет.

Горшаков встал, надвинул на переносицу темные очки и направился в холл.

– Несогласных пятнадцать-двадцать человек, Леня. Ты хочешь, чтобы Мазитов пришел всех одновременно? – спросил Вершинский.

– Думаю, что этого не понадобится. – Кулагин достал сигареты и закурил. – Две-три головы для начала. Остальные поймут, что ошибались, сразу, как только первые две-три группировки останутся без главарей. Остальные сами прибегут. Убрать одного – это еще ничего не значит.

– Меня удивляет, на что они рассчитывают, – заговорил Левинсон, лениво потягивая пиво из высокого бокала. – В одиночку теперь ничего не сделаешь. Ни одного крупного промышленника не удержишь. Тебя просто раздавят, как таракана. Ладно эта мелкая дворовая шантрапа, но на что Шумский надеется?

Кулагин затушил недокуренную сигарету и тут же принялся за вторую.

– Если он так делает, у него наверняка далекоидущие планы. Ты не сомневайся... – парировал Вершинский.

Кулагин не дал ему договорить.

– Да плевать я хотел, на что они рассчитывают! – Он стукнул кулаком по столу и заметил, как несколько посетителей ресторана повернули голову в их сторону. – Я знаю, что со-

здание коалиции – это единственное, что имеет перспективу. Мне сейчас интересно только это. И у кого какие планы, мне положить на это... Нес – не мальчик. Он все понимает. Все мелкие группировки по одной со временем перестреляют менты, или они сами друг друга перережут...

За столик вернулся Горшаков. В руках у него было по стулу. С грохотом опустив их на пол, он передвинул очки с переносицы на лоб.

– Порядок. Через пятнадцать минут будут оба. Я считаю, что это правильное решение. Сами накосорезили – сами пусть и отвечают. Посмотрим, как они заговорят, когда их задницы некому будет прикрыть. Они и не с нами и без главарей...

– Шашлычок из свинины на двоих, – сказал Кулагин проходившей мимо официантке. – Темыч, давай подсчитаем, сколько мы дадим за одну голову?

– Надо стартовать с двух штук баксов, – ответил тот. – А там сколько попросят.

– Три – это крайняя цена. Если откажутся, озадачим кого-нибудь другого.

– Да вряд ли. Не думаю, что они будут сильно понтиться. Ребята-то правильные. Единственное что, так это могут запросить вперед. Ну, и отмаксаем половину. Какие проблемы. Им и этого за глаза.

– Возьми это на себя, – распорядился Кулагин.

– Ладушки.

Мазитов и Копнин не заставили себя долго ждать. Войдя в зал ресторана, они тут же направились к столику, за которым обедала четверка. Здороваясь, вновь прибывшие не произнесли ни слова. Только молча по-деловому пожали каждому руку.

– Садитесь, – Кулагин небрежно показал на стулья, которые принес Горшаков.

– Давно не виделись! Что, уже есть работка?

Мазитов перевернул стул спинкой к столу и сел на него верхом. Копнин приземлился справа.

Илья был в черном болоньевом плаще, который он снял при входе в кабак и небрежно набросил себе на руку. Малиновый пиджак с золотистыми, сверкающими в свете электрических ламп пуговицами был сильно измят на спине. Такой же, в тон пиджака, галстук туго стягивал воротничок аляповатой шелковой рубашки, которую Мазитов носил навывпуск. Коротко остриженные под полубокс русые волосы топорщились в разные стороны. Остроносые ботинки покрывал толстый слой пыли. Маленького роста, юркий, с высоким звенящим голосом, Мазитов чем-то напоминал мокрого воробья.

Копнин, в отличие от товарища, придавал большое значение своему внешнему виду. Вываренные до голубизны модные джинсы чуть ниже талии подхватывал широкий кожаный пояс с массивной металлической пряжкой. Левое запястье украшал толстый браслет из нескольких видов камней. Ансамбль завершали начищенные до блеска ботинки на

небольших квадратных каблучках, которые при ходьбе издавали характерное цоканье.

– Есть, – ответил Кулагин. – Кстати, жратва вам будет позже. Я заказал свиной шашлык. Но сначала по делу. Артем, давай, объясни парням, что нам надо.

Горшаков наклонился над столом:

– Короче, мы подумали и решили, что тех, кто отказался вступать в коалицию, надо просто убрать. Начнем с троих борзых. Дальше посмотрим.

– Как? – Копнин придвинулся к столу.

– Как хочешь. Но чтоб было видно. Фишка в том, чтобы об этом узнало как можно больше народу. Возьмите для начала Малыгина. Он больше всех выступал. Ну, и... Коляна с Зубом.

– А Шумский? Это же он реально стоит за теми, кто не согласился, – вмешался Вершинский.

– Шумского пока не трогать! – оборвал его Кулагин. – Подождем. Я считаю, Несу надо дать время... Может, одумается.

– Ничего он не одумается, – не унимался Вершинский.

– Все, я сказал, – безапелляционно отрезал Кулагин.

Присутствующим стало ясно, что дальнейшее обсуждение этого вопроса бессмысленно.

– Ты не волнуйся, Толян, – встрял Мазитов. – Мы этих троих так красиво уделаем, что другим неповадно будет. Шумский первым сдрейфит.

В том, что сказал Мазитов, присутствующие нисколько не сомневались. В свое время в городе прогремело сообщение о жестоком убийстве одного из крупных партийных боссов. Властям удалось выйти на след заказчика, которым оказался крупный криминальный авторитет из Рязани. Многие знали, что непосредственными исполнителями этого убийства были Мазитов и Копнин, однако все было проделано настолько чисто и безупречно, что никаких улик против киллеров органам найти так и не удалось.

– Сколько денег дадите? – Мазитов взял быка за рога.

– Две штуки баксов за голову.

– Негусто. Клиентов сколько? Трое, ты говоришь?

– Да.

– Тогда мало.

– А сколько ж тебе надо, хапуга? – Горшаков ощерил зубы в улыбке.

– Какой базар между своими? Давай три. И задаток.

– Постойте-постойте, – энергично вмешался Кулагин. – Работа для вас, Илюха, найдется еще. Так что не будем лезть в бутылку перед предстоящим тесным сотрудничеством. Давай, две с полтиной – это край. Больше мы не дадим. А насчет задатка свяжетесь с Темычем чуть позже. Сегодня получите по пятьсот баксов. На нос.

– Ладно. Две с полтиной так две с полтиной, – сдался Мазитов.

– Вам как надо? – вмешался в разговор Копнин. – Всех

троих в один день?

– Плевать. На все вам три дня. Связываться будете с Те-
мычем. Доложите, что и как. Но не затягивайте. Начните се-
годня. Все, нам пора. – Кулагин взял салфетку и вытер гу-
бы. – Завтра ждем первых новостей.

Горшаков встал, похлопал по плечу Мазитова и напра-
вился за Леонидом к выходу. Вершинский и Левинсон по-
следовали за ними. Потенциальные киллеры группировки
остались дожидаться заказанного шашлыка. Деньги Кулагин
оставил на столике:

На крыльце Леонид протянул Вершинскому руку.

– Толян, за тобой илевой подшипниковый завод. Если
что, сбрось инфу на пейджер. Я перезвоню.

– Я понял.

Горшаков вслед за Кулагиным подошел к белой «девят-
ке», припаркованной около ресторана.

– У меня к тебе еще один разговор есть, – сказал Леонид,
усаживаясь за руль автомобиля.

Он запустил двигатель, но трогаться с места не спешил.

– Есть одна мыслишка, которую я вынашиваю уже давно.
Послушай. Я хочу договориться с ворами в законе насчет об-
щак. Я узнаю, чьей поддержкой можно заручиться.

Кулагин развернул машину и выехал на дорогу.

– Ну ты и замахнулся! – прервал молчание Горшаков че-
рез пару минут. – Как ты будешь договариваться? У тебя есть
стрелки?

– Я сам все улажу. Не лезь в это. Я думаю, что надо назначить сходку.

– Да на хрен мы им нужны?

Кулагин стукнул по рулю автомобиля:

– Я пробую это дело. Все должно получиться. Никто еще не додумался до этого. А это золотая жила, Темыч. Понимаешь?

– Ну, естественно.

– Так что не киксуй. Возьми на себя организацию схода. Просто будь к этому готов. Я прикинул, с кем из воров в законе удастся договориться. У меня есть кое-какие каналы. – Леонид ткнул кнопку включения автомагнитолы и вставил кассету в приемник. – Я сегодня говорю с человеком. Если что, ребята подъедут, будем разговаривать. Обмозгуй, как все устроить. Жратвы чтобы было достаточно и выпить. Организуй охрану из своих.

– Надо на деревне где-нибудь назначать сход. Подальше от города.

– Не надо, – не согласился Кулагин. – В городе лучше. В надежном месте. Они сами скажут где. Чтоб с безопасностью все было в порядке. И никому не говори пока. Об этом знают только двое. Ты и я... Я думаю, пришло время. Пора переходить на другой уровень. Чтобы все как у них, в системе. Врубаешься?

Горшаков кивнул.

1992 год. Ночной клуб «Золотой телец» Любовь не продается

Кулагин бесцельно разъезжал по городу уже около часа. Чувствовал он себя очень паршиво. На улице шел сильный дождь. Дворники машины, разгоняя потоки воды то в одну, то в другую сторону, работали в унисон с сердцем Леонида, навевая дикую тоску.

Кулагин решил остановить хотя бы один из этих двух метрономов. Он нажал на тормоза, выключил мотор, и дворники безжизненно застыли, позволяя дождю беспрепятственно барабанить по лобовому стеклу. Это не принесло Кулагину ожидаемого облегчения. Напротив, к его тоске и чувству безысходного одиночества теперь добавилось ощущение невозможности что-либо изменить и раздражение на собственное бессилие. Закрыв глаза, он опустил руки и голову на руль. Недолго просидев в таком положении, Кулагин снова завел мотор. Он знал примитивный способ, который обычно ему помогал на какое-то время создать иллюзию счастья. Леонид направился в ночной элитный клуб «Золотой телец».

– Мы рады вновь вас видеть у себя в гостях! – приветствовал Кулагина радушный управляющий, когда Леонид вошел

в фойе ночного клуба.

Кулагин здесь был в четвертый раз, но его безупречные манеры и безграничная щедрость с первого посещения клуба помогли закрепить за ним статус надежного и очень желанного клиента.

– Что я могу вам предложить? У нас новая танцевальная программа, шоу с экзотическими животными и...

– Я бы хотел провести вечер уединенно.

– Номер люкс! Ужин! Выход к бассейну!

– Да, номер люкс. Ну и все, что сопутствует, кроме бассейна, – ответил Кулагин.

– Замечательно! – улыбка управляющего стала еще шире. – На сколько персон вы желаете заказать ужин?

– На две персоны, – вяло бросил Кулагин.

Он с раздражением отметил про себя, что пока ощущение счастья его посещать не собирается.

– Очень хорошо! Вы уже знаете, кто будет та особа, что разделит с вами ужин, или?..

– ...или я воспользуюсь вашими рекомендациями, – закончил Кулагин фразу за чересчур галантного управляющего.

– Прошу!

Управляющий проводил Кулагина в небольшую комнату. Когда Леонид расположился на низком черном кожаном кресле, он протянул ему большой глянцевый альбом с фотографиями девушек и, все еще улыбаясь, проговорил: – Кофе,

виски, ром, коньяк?..

– Коньяк.

– Сигару?

– Пепельницу. – Кулагин начинал тихо ненавидеть улыбку и приторный голос собеседника.

Управляющий, слегка поклонившись, вышел. Очень скоро в комнату вошла миловидная девица с маленьким подносом в руках. На ней была коротенькая униформа шоколадного цвета, белый кружевной фартук и такая же кружевная накладка в волосах. Ее костюм чем-то напомнил Кулагину школьную форму, и это сходство заставило его улыбнуться. Поставив на журнальный столик, который стоял рядом с креслом Кулагина, большой фужер, на доньшке которого было граммов пятьдесят коньяка, и пепельницу из темного стекла, девушка, приняв улыбку клиента на свой счет, кокетливо вильнула бедрами и выпорхнула из комнаты.

Кулагин залпом выпил коньяк, прикурил сигарету и начал листать альбом с фотографиями девиц. Каждой девушке в альбоме было предоставлено несколько страниц. На десяти-пятнадцати фотографиях каждая из представительниц древнейшей профессии была запечатлена в разнообразных ракурсах, в откровенных нарядах и вовсе без них. Несмотря на высокое качество фотографий и безупречные формы девиц, Кулагин от просмотра альбома, кроме нарастающей скуки, ничего не ощущал.

Лениво перелистнув очередную страницу, он застыл от

неожиданности и несколько секунд не мог дышать. С фотографии на него смотрела Лиза. Кулагин сделал глубокий вдох. Конечно, это была не она, но сходство было поразительным. Крупный план лица проститутки в три четверти был практически копией лица девушки, которую он когда-то любил. Леонид захлопнул альбом. Он и до этого догадывался о причине постоянного чувства безысходности и тоски, но теперь глупый и злой случай сделал эту причину конкретной и осязаемой. Лиза – это все, что было ему нужно. Безумная любовь к этой девушке и невозможность быть с ней вместе буквально раздирали его на части. Еще секунда, и Кулагин был готов закричать от злости и душевной боли, которые он испытывал, но в комнату вернулся управляющий и с неизменной улыбкой на лице спросил:

– Еще коньяк?.. Ах, прошу прощения! Вы сделали выбор?

– Да, коньяк... И я выбрал.

Кулагин взял альбом и начал искать фотографию девушки, похожей на Лизу.

– Достаточно назвать номер и...

– Вот! – Кулагин протянул управляющему раскрытый альбом с портретом двойника Лизы.

Сам же он не стал вторично разглядывать фотографию девушки, то ли побоявшись разочароваться, то ли не желая спугнуть ощущение счастья, которое, как ему казалось, он начал испытывать.

– Прекрасный выбор. – Управляющий взял у Кулагина

альбом. – Ваш номер готов. Вы хотели бы, чтобы девушка пришла к вам как гостя или встретила вас как хозяйка?

– Встретила, – не задумываясь, ответил Кулагин.

– Вас будут ждать через пятнадцать минут. Вы будете здесь или пройдете в бар?

– Здесь.

– Сейчас вам принесут коньяк, а потом проводят в номер. Любые изменения, которые вы захотите внести в меню, вы сможете сообщить по телефону из номера. – Управляющий снова сделал легкий поклон и удалился.

Девушка в кружевном фартучке и платье, похожем на школьную форму, принесла Кулагину новый фужер с коньяком и сменила пепельницу.

Когда Леонид остался один, он с удивлением ощутил волнение, которого уже давно не испытывал, и понял, что это доставляет ему удовольствие. Прикурив сигарету, он взял фужер с коньяком и, делая маленькие глотки, начал прохаживаться по комнате, разглядывая гравюры, висящие на стенах. Изображения на них соответствовали его настроению. На всех гравюрах было изображено море во время шторма и корабли, пытающиеся бороться со стихией. От этого занятия его отвлек высокий резкий голос.

– Вас ждут. Хотите, чтобы я вас сейчас проводила? – пропихнула подошедшая девушка.

Из-за неприятного тембра голоса исчезло все ее очарование, и даже костюм, похожий на школьную форму, потерял

свою прежнюю привлекательность.

– Сейчас.

Кулагин затушил сигарету, залпом допил коньяк и, поставив фужер на столик, последовал за девушкой.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и оказались у дверей номера, который заведение предоставляло Кулагину в его последнее посещение. Открыв дверь в номер и приняв от клиента заслуженную купюру, девушка, поблагодарив его, ушла.

Леонид вошел в номер. Он все еще испытывал волнение перед встречей с той, кто был так похож на Лизу. Он словно попал в прошлое. В памяти пронеслись картины его встреч с Лизой. До этого он запретил себе думать о любви, а также вспоминать счастье и радость пережитых мгновений. Но сейчас Кулагин вновь поверил в возможность хоть на мгновение вернуть те чувства, что он когда-то испытывал.

– А я заждаюсь!

Незнакомый женский голос вернул Кулагина в реальность. А когда из комнаты вышла высокая худощавая блондинка, он отрезвел окончательно.

– Я тоже, – медленно произнес Леонид.

– Ты голоден? Выпьешь? – томно спросила проститутка. Дождавшись от Кулагина кивка головы, она взяла его за руку и повела в комнату. Леонид сел на диван. Блондинка пододвинула сервировочный столик на колесиках поближе и усеялась к клиенту на колени. Налила коньяк в большие пуза-

тые фужеры и протянула один Кулагину. Леонид выпил свою порцию залпом. Девушка даже не пригубила коньяка. Она поставила фужер на столик и принялась расстегивать пуговицы у него на рубашке.

– Подожди! – Кулагин отстранил руку девушки. – Сядь рядом.

– Что-то не так? – спросила она, прищурившись, и попыталась провести ладонью по бедру Кулагина.

Он ловким движением подхватил блондинку и посадил рядом с собой.

– А! Поняла! Ты хочешь поиграть? – кокетливо рассмеялась проститутка.

– Нет, – твердо ответил Кулагин.

– А чего ты хочешь? – протянула она с истомой.

Кулагин подумал, что ничего не хочет. А особенно эту женщину. Он налил себе коньяка и ответил:

– Выпить.

– А теперь? – спросила девушка, когда он опустошил фужер и спустила коротенькое красное платье на бретельках, обнажив упругую и красивую грудь.

Кулагин оценил прелести девушки и очень просто спросил:

– Давно ты здесь?

– Что? – проститутка одним движением накинула платье на плечи и, придав своему лицу независимое выражение, продолжила: – Ты что, поговорить хочешь?

– Допустим.

– Смотри. Время – деньги.

– Я в курсе. Не переживай, я заплачу.

– В «Золотом тельце» полгода, – девица взяла свой фужер, выпила и, полулежа на диване, принялась есть виноград. – А вообще, все два года назад началось. Ну, я тогда глупая и молодая была. Мне семнадцати не исполнилось...

Кулагин плохо слушал ее рассказ о том, как она приехала в город и за два года из бедной и забитой деревенской девочки превратилась в опытную и достаточно дорогую проститутку. Он рассматривал ее и не понимал, что общего он мог найти у этой женщины с Лизой. И чем больше Леонид занимался сравнением, тем больше образ Лизы вытеснял из его восприятия действительность. Находясь в состоянии полусна, он достал из кошелька достаточно большую сумму денег и, не пересчитывая, положил на столик. Уходя из номера, он не слышал, как девица просила его в следующий раз, когда он придет, вызывать именно ее. Не заметил и вечно улыбающегося управляющего, который проводил его до выхода из заведения и приглашал посещать чаще. На автопилоте Леонид сел за руль и завел мотор машины.

Очнулся Кулагин лишь тогда, когда подъехал к дому, где жила Лиза. Он вышел из машины и уверенно вошел в подъезд. Сейчас как никогда он был уверен в правильности принятого решения.

После того как Кулагин нажал на кнопку звонка, прошло не более двадцати секунд, замок в двери щелкнул, но это бы-

ло самым долгим и тягостным ожиданием в жизни Леонида.

– Я не нашла, Светлана Анатольевна...

Лиза не договорила. Она ждала соседку, которая должна была зайти за ситом для муки, а увидела человека из своей прошлой жизни. Человека, которого она и не надеялась когда-нибудь увидеть еще раз, но ждала его каждый день, каждую секунду...

– Мы должны быть вместе, Лиза! – категорично заявил Кулагин и, не дав ей опомниться, крепко обнял. Затем, покрывая лицо девушки поцелуями, он, не умолкая, повторял: – Ты моя. Ты нужна мне. Только ты. Моя. Мне ничего не надо. Только ты, только ты, Лиза...

– Боже, как больно... – простонала она.

Кулагина словно обожгли эти слова. Он отстранился и, глядя в глаза Лизе, медленно произнес:

– Я знаю, милая... Ты только поверь...

– Не могу, – она покачала головой. – Поздно...

– Нет, Лиза, нет! Пока мы живы, не поздно!

– После того, что произошло... Я тебе один раз уже поверила. Уходи, Леня!..

– Нет. Я уже один раз сделал ошибку. А теперь я не уйду. Лучше убей! – Он нежно взял Лизу за плечи и тихо произнес: – Мне тоже больно, милая, но я безумно люблю тебя.

– Как же я тебя ненавижу. И какая же я счастливая, – прошептала Лиза, прижимаясь к Кулагину и жадно вдыхая запах самого любимого человека на свете.

1993 год. Москва

Столичные авторитеты

Известный в столице вор в законе Петр Степанчиков по прозвищу Альбатрос долгим пристальным взглядом обвел пятерых сидевших с ним за одним столом мужчин. Со всеми с ними Альбатрос был отлично знаком на протяжении многих лет. С кем-то, как, например, с Лешим или с Шейхом, ему приходилось сидеть, с кем-то связывали общие дела, а попросившего о сегодняшней встрече Вепря Альбатрос и подавно знал с детских лет, когда им обоим приходилось отстаивать свои интересы кулаками в Екатеринбургском спецприемнике для несовершеннолетних. И все пятеро в настоящий момент были не менее авторитетные личности в Златоглавой, нежели сам Степанчиков.

— Не могу сказать, что я внимательно наблюдаю за событиями в Новоречинске, — Альбатрос привычно сцепил пальцы в замок и плавно опустил их на отставленное в сторону колено, — но о том, что там творится, я слышал. Молодая поросль в лице некоего Лени Кулагина и его приспешников, пытается подмять город под себя. Установить в нем, так сказать, свой собственный закон. Как следствие, у Кулагина есть и недоброжелатели, в результате чего в Новоречинске образовалось некоторое противостояние... И вот сегодня... — он

выдержал паузу, – всеми нами уважаемый Вепрь созвал нас здесь по вопросу, касающемуся именно Новоречинска.

Взоры присутствующих синхронно обратились к сидящему по правую руку от Альбатроса мужчине в дорогом твидовом костюме. В отличие от всех остальных и не взирая на свое богатое прошлое, Вепрь больше напоминал скромного бухгалтера какого-нибудь средней руки заведения, нежели именитого законника. Зализанные на косой пробор волосы, рыхлое, ничего не выражающее лицо, пухлые ручки. Нигде не проглядывало ни единой татуировки, хотя Альбатрос, да и остальные прекрасно знали, что таковых на теле Вепря бесчисленное множество.

– А что там с Новоречинском? – нетерпеливо спросил Леший своим низким грудным голосом.

Вепрь сухо откашлялся.

– Дело в том, свояки, что этот самый Кулагин обратился к нам за поддержкой через очень уважаемых людей, – неторопливо, в своей привычной манере начал излагать он. – Ко мне уже обращались двое человек. Республиканец и питерский авторитет Увар. Республиканец знаком с Кулагиным по зоне. Они там, конечно, не корешились, но Республиканец отзывается об этом малом как о человеке с понятиями. Увар тоже сказал, что приглядывался к новоречинскому братку и видит в том, что тот делает, неплохую задумку...

– Что это за задумка? – подал голос Кант, не так давно вернувшийся в столицу из Пермской колонии.

– Централизация криминалитета. Установление закона, которому должен следовать в Новоречинске каждый уважающий себя уголовник. Одним словом, Кулагин стремится к системе.

– Ну и отлично, – Кант неопределенно повел плечами. – Пусть стремится. Это дело нужное. А чего он хочет от нас?

– Кулагин намерен организовать у себя в Новоречинске сходку, – ответил вместо Вепря Альбатрос. – И он хочет, чтобы на ней поприствовала делегация от российского воровского сообщества. И следовательно, поддержала его начинания, а также утверждение на роль положенца.

– Ух ты! – Шейх едва не поперхнулся табачным дымом. – У него, оказывается, губа не дура. Положенца! А титул вора в законе он сразу не хочет?

Леший хмуро усмехнулся, Кант буркнул что-то себе под нос, а шестой участник встречи, Пилот, слегка приподнял руку, привлекая внимание к своей персоне.

– Да? – Альбатрос повернул к нему голову.

Пилот пристроил во рту сигарету, но раскуривать ее не спешил. Монотонно крутил между пальцев с вытатуированными на них синими перстнями инкрустированную золотом зажигалку.

– Я сам родом из Новоречинска, – сообщил он, что, по сути, и так было прекрасно известно всем присутствующим. – И немного знаю Кулагина. По давним делам. Он как раз заканчивал школу... Так вот, амбиций у Лени, конечно, хоть

отбавляй, но... Парень он головастый. И, как мне кажется, весьма продвинутый. В Новоречинске у нас все равно нет никого на кандидатуру положенца, так почему бы не попробовать дать Кулагину карт-бланш? С испытательным сроком, разумеется. Если он будет правильно вести дела и регулярно отстегивать в общак положенную мзду, мы не только ничего не теряем, но и можем ощутимо выиграть на сотрудничестве с ним...

Пилот замолчал так же неожиданно, как и заговорил, и на некоторое время в отдельном зеркальном кабинетике ресторана «Медовый месяц» повисла абсолютная тишина. Пилот закурил.

– Надо сначала узнать, какие планы на этот счет у самого Кулагина, – сдержанно произнес Кант. – Чего он хочет? У него есть какой-то определенный план действий?

– Для этого надо отправиться в Новоречинск на сходку, которую он собирает, – ответил Альбатрос.

– Резонно, – поддержал его Вепрь. – Только я не думаю, что нам есть смысл отправляться туда всем. Достаточно будет двух-трех человек.

– Одним из которых, по логике, будешь ты, – вновь подключился к беседе Леший, предварительно обменявшись многозначительными взглядами с Альбатросом. Последний едва заметно качнул головой. – Раз ты протезируешь Кулагина, у тебя должно быть на руках как можно больше козырей в его пользу.

– Минутку, – Вепрь недовольно нахмурился. – Я не протежирую Кулагина. Я лишь говорю то, что слышал про него. Как говорится, за что купил, за то и продаю.

– С тобой поедет Республиканец, – решил Альбатрос, – и Пилот.

– Я не могу. – Пилот глубоко затянулся и выпустил под потолок тонкую струйку сизого дыма. – Рад бы, но не могу. Дела не позволяют отлучиться сейчас из Москвы. Заморочки с «Эдельвейсом»... И я понятия не имею, насколько это затянется.

– А когда сходка? – спросил Шейх.

Вепрь повернулся в его сторону:

– Как передал Кулагин, он все устроит в любое удобное для нас время. Они приурочат сход к юбилею одного из его ближайших соратников. Анатолий Вершинский, кажется.

– Без погоняла?

– Без. Кулагин не хочет привлекать излишнее внимание со стороны ментов. Считает, что все стоит сделать тихо и без эксцессов. Скромный ресторанчик, закрытый банкетный зал...

– Умно, умно, – Леший согласно покачал головой.

– Я поеду с Вепрем и Республиканцем. – Шейх лукаво прищурился. – Не хочу, чтобы у воровского сообщества сложилось в отношении Кулагина предвзятое мнение. Мне не нравится идея с положенцем, но, в принципе, я согласен с Пилотом. Если альтернативного варианта пока нет, а Кула-

гин покажет себя достойно... В общем, я хочу к нему при-
смотреться. Только поставьте его в известность, что ориен-
тировочно мы сможем подъехать не раньше конца февра-
ля. У меня тоже дел невпроворот, но к этому времени я по-
стараюсь их разгрести. Да, и что касается безопасности... –
Он многозначительно пожевал нижнюю губу, что, как знали
соратники, являлось у Шейха показателем крайней степени
озабоченности. – То, что там говорит ваш Кулагин, – это не
показатель. В вопросах безопасности комар носа подточить
не должен. Я не хочу залететь на нары по вине или недалё-
новидности какого-то молокососа.

– И что ты предлагаешь?

Вепрю с трудом удалось скрыть в голосе раздражение. Ма-
нера долго и пространно рассуждать на ту или иную тему
была у Шейха в крови.

– Я считаю, что будет справедливым, если безопас-
ность проконтролирует лично Республиканец, – высказался
Шейх. – Я готов сам поговорить с ним на эту тему. У нас в
запасе почти полтора месяца, и этого срока будет Республи-
канцу достаточно. Я не прав?

– Прав, – кивнул Кант. – Конечно, прав.

– Добро, – резюмировал все выше сказанное Альбатрос. –
Свяжись с Кулагиным, Вепрь, и поставь его в известность о
нашем решении. А там... Все будет зависеть от того, как он
покажет себя на сходке, которую сам и организывает...

К тому моменту когда мужчины, не сговариваясь, все вме-

сте поднялись из-за стола, Пилот перехватил взгляд Степанчикова. Альбатрос жестом показал старому приятелю, чтобы тот задержался. Сам же проводил остальных законников до двери, где радушно и попрощался с ними. Пилот подсел обратно к столу.

– Ну, – Альбатрос, вернувшись, положил ему руку на плечо, – а теперь давай без обиняков, кореш. По Новоречинску...

1993 год. Ресторан «Седьмое чудо света» Большой сходняк

Волнения не было. Никакого. Кулагин даже не испытывал дискомфорта, когда случайно ловил на себе пристальные цепкие взгляды столичных гостей. Республиканец, насколько он мог судить, был настроен по отношению к нему весьма лояльно. Хотя и строил из себя беспринципного критика. Практически то же самое можно было сказать и про Пилота. Один из авторитетнейших воров Златоглавой, которого Кулагин смутно помнил еще по школе, учитывая их разницу в возрасте, больше помалкивал и активно налегал на минералку. Леонид старательно воспроизводил в памяти имя и фамилию бывшего земляка и по прошествии получаса, пока он сам держал речь перед большим собранием, все-таки припомнил. В миру Пилота именовали Николаем Герасимовым. Кулагин мысленно порадовался тому, что вспомнил это.

Больше всего из прибывших на сходку москвичей Леонида волновал вор в законе по прозвищу Шейх. Вернее, не он сам, а его слово, которое он обязательно должен будет сказать под занавес. И он, и Республиканец, и Пилот.

Бодрости и уверенности Кулагину придавали и лица его соратников, присутствовавших здесь же за большим, богато

накрытым столом. Горшаков без перерыва курил, но Кулагин видел, что заветный портсигар со шмалью лежит перед Артемом нетронутый. Вершинский одобрительно качал головой. Сидевший по правую от него руку Левинсон так же, как и сам Леонид, не спускал напряженного взгляда с москвичей. Лебедев, Протас, Жженный, Сашка Иванов... Все были здесь.

Но были и те, чье присутствие Кулагин считал крайне нежелательным. Однако обойти вниманием этих людей и элементарно не позвать их на большой сходняк он тоже не мог. Они расположились кучной компанией по другую сторону стола. Держались, что называется, особняком. Хмурые лица Гаджиенко, Круглова, Антипова, Ключкова не внушали Леониду излишнего оптимизма. Как и лицо Нестора Шумского, потупившего глаза и сосредоточенно крутившего меж пальцев спичечный коробок. Эти люди по-прежнему представляли оппозицию Кулагину. Недавняя кровавая расправа над Малыгиным, Зубковым и Коляном-Кипятком, весьма наглядно и качественно исполненная Мазитовым и Копниным, не принесла приверженцам коалиции ожидаемых результатов. Скорее, наоборот, угроза физической расправы над несогласными еще больше озлобила Шумского и его приспешников. Нестор упорно стоял на своем. Надежда на то, что старый приятель одумается и в итоге одним из первых примет его позицию, таяла у Кулагина с каждым днем.

— ...Таким образом, создание местного новоречинского

общака, с которого будет регулярно отстегиваться процент в большую кассу столицы, выведет наш город совсем на другой уровень, – Леонид говорил практически на автопилоте, словно читал текст с листа. В горле у него пересохло, но Кулагин мужественно держался. – Плюс та самая централизация криминалитета, о которой я говорил в самом начале. Установление внутреннего порядка, организация. То есть такая же жесткая система, как в других, более крупных городах России. То, что стало теряться и забываться в последние годы, и особенно с того самого момента, как развалился бывший СССР...

– Почему это стало теряться? – вскинул голову Шейх.

Кулагин открыто улыбнулся. Он был рад, что за все время, пока он говорил, его впервые перебили. Задали встречный вопрос. А это уже было похоже на дискуссию, а не на монолог.

– Рост беспредела. В последнее время он стал слишком велик. Мы не можем не признавать этого. Такова суровая действительность. – Кулагин чувствовал себя отлично подготовленным к выступлению оратором, которого трудно сбить с выбранной темы. – Причем, когда я говорю о беспределе, я имею в виду не только фраеров и пустоголовых бакланов... Вернее будет сказать, совсем не их, хотя здесь тоже следует применить железную хватку. Больше всего меня беспокоит беспредел власти. И, конечно же, ментовской. Может быть, у вас в Москве, Шейх, это и не так заметно, а может быть, его

там нет и вовсе. Я не стану спорить. Я не такой уж большой знаток столичной политики. Кстати, это наверняка также относится и к другим крупным городам России. Питер, Ростов, Новороссийск, Одесса и так далее... Но у нас!.. У нас, в Новоречинске, именно такой беспредел и процветает. А почему? Потому, что нет такой жесткой системы, как у вас. А что нужно для создания такой системы? В первую очередь объединение и создание одного цельного общака. Оставаясь разрозненными группировками, мы рискуем быть все передуренными ментами уже через два-три месяца... Разве я не прав?

На некоторое время воцарилось молчание. Кулагину казалось, что в этой тишине он даже явственно различает недовольное сопение Шумского по ту сторону стола. Пилот и Республиканец многозначительно переглянулись. Затем их взгляды сфокусировались на продолжавшем хранить молчание Шейхе. Последний мрачно пожевал нижнюю губу.

– Ну, хорошо, – без особого энтузиазма произнес он. – Допустим, система нужна и, допустим, это поможет покончить с ментовским беспределом в городе и, соответственно, поднять его на более высокий уровень. Но у любой крупной организации, особенно если под ее эгидой находится целый город, должен быть опытный руководитель. Кто сможет стать во главе Новоречинска и кто будет являться главным держателем местного общака?

Последний вопрос был задан Шейхом исключительно для

проформы и больше напоминал провокацию. Столичный вор в законе так же, как и все присутствующие за столом, отлично знали, какой на него последует ответ. Вопрос был только в самой реакции Кулагина. Но Леонид с честью выдержал этот психологический экзамен. Подхватив стакан с минеральной водой, он неторопливо осушил его до дна и так же спокойно вернул на исходную позицию. Уверенно посмотрел в глаза ждущего от него ответа Шейху.

– Обе эти обязанности мог бы совместить я сам, – вновь никакого волнения в голосе. – Большая часть собравшихся мне доверяет, но, если вы хотите, мы можем провести голосование. Помимо этого, я готов предоставить в свою пользу рекомендательные письма от авторитетных людей.

Кулагин запустил руку во внутренний карман пиджака и заметил, как при этом закаменели лица телохранителей столичных гостей. Порвут при любом движении, способном зародить в их душах подозрения. А ведь они уже успели досконально проверить каждого из явившихся на сходку на предмет холодного и огнестрельного оружия.

Леонид выудил три плоских прямоугольных конверта и положил их перед собой на стол, показывая тем самым, что с их содержимым может ознакомиться любой желающий.

– Мою кандидатуру поддержал Увар, но об этом вам уже известно, – с прежней интонацией продолжил Кулагин. – Здесь также письмо от авторитета из Калуги Ромы Стрижа и письмо астраханского вора в законе Лапы...

– Никто из перечисленных не является членом большого российского синдиката, – Шейх не торопился приступать к изучению писем.

– Это верно. Поэтому вы трое и здесь. Для того, чтобы сказать собственное мнение, которое, в свою очередь, будет уже выражать мнение всего воровского сообщества. Разве не так?

– Брось, Шейх, – вмешался в их полемику Республиканец, с вожделием покосившись на расставленные по столу яства. Желудок у него уже напоминал о себе тихим урчанием. – Не будь таким дотошным. Скажи прямо, чего ты хочешь, и приступим к голосованию. По-моему, все и так уже предельно ясно. В конце концов, что мы теряем?

– Ничего, – чересчур поспешно среагировал Кулагин и сам тут же обругал себя за эту оплошность. Шейх недовольно нахмурился. Однако отступать теперь было совсем неблагоприятно, и потому Леонид предпочел продолжить: – Если вас не будет устраивать качество моей работы по истечении оговоренного срока и я не смогу вывести Новоречинск на новый уровень, вы будете вправе предъявить мне по всей строгости воровского закона. И сменить положенца...

– А что у нас, кстати, со сроками? – вклинился Пилот. – Как много тебе нужно времени, Леонид, на то, чтобы добиться первых ощутимых результатов?

К этому Кулагин тоже был готов заранее.

– Полгода, – жестко ответил он и тут же поспешил внести

небольшую поправку: – Максимум восемь месяцев.

– Восемь – это много, – покачал головой Пилот. – Остановимся на полугодовичном сроке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.